

Въ такомъ случаѣ, отвѣчали мы, насъ обманули; это не должно быть тебѣ приятно, потому что человѣкъ, проводившій насъ до ихъ первой деревни, получилъ бы боченокъ пороху, нѣсколько ножей, бусы и двѣ пачки соли. При перечисленіи такихъ богатствъ, глаза Изинга разгорѣлись: «Неужели, вскричалъ онъ, вы готовы дать столько вещей? Неужели вы никому не расскажете?» Послѣ того онъ признался, что одинъ разъ былъ у озіеба.... это было, правда, очень давно.... но, можетъ-быть, онъ и припомнить дорогу.... да кромѣ того у него былъ тамъ одинъ н'дего (пріятель)..... наконецъ, если мы, сверхъ перечисленной платы, прибавимъ еще шесть мѣдныхъ чашекъ (иссасса), то онъ проводитъ насъ къ озіеба, рискуя самъ быть съѣденнымъ. Мы условились въ днѣ, и черезъ сутки, въ два часа утра, въ ту минуту когда всѣ прочіе негры, утомленные общей пляскою, спали глубокимъ сномъ, Изинга тихонько постучалъ въ дверь нашей хижины; я далъ ему нести подарки, назначенные для предводителя озіеба, и отправился за нимъ; мой проводникъ объявилъ, что путь будетъ далекъ, но не объяснилъ мнѣ, что онъ разумѣетъ подъ долгимъ путемъ. Въ продолженіи всей ночи мы шли по лугамъ, пробираясь съ большимъ трудомъ въ темнотѣ; къ разсвѣту мы достигли Огоуэ, который въ этомъ мѣстѣ образуетъ крутой изгибъ къ югу. Изинга отвязалъ маленькую пирогу, спрятанную въ травѣ, и мы послѣ невѣроятныхъ усилій переплыли рѣку, имѣющую въ этомъ мѣстѣ около пяти сотъ метровъ ширины при страшно сильномъ теченіи, и начали взбираться на гору, на вершинѣ которой были хижины озіеба. Это восхожденіе представляло для меня настоящую пытку: босыя, утомленныя ноги раздирались до крови о каждый булыжникъ, и мнѣ постоянно приходилось собирать все присутствіе духа, чтобы не признать себя побѣжденнымъ и не повадиться, подобно загнанному зайцу. Желая придать мнѣ бодрости, проводникъ постоянно указывалъ на одно мѣсто по близости, говоря, что тамъ деревня озіеба; но когда мы подходили къ этому мѣсту, онъ признавался, что ошибся и надо пройти еще немного. Тѣмъ не менѣе, около двухъ часовъ пополудни, я достигъ цѣли, полумертвый отъ усталости, сдѣлавъ болѣе семи лье послѣ двѣнадцати-часовой ходьбы босикомъ. Убѣжище людоѣдовъ скрыто въ густой древесной чащѣ, такъ что я очутился у нихъ внезапно, безъ всякой

подготовки; они окружили меня съ видомъ, не имѣвшимъ ничего дружескаго; съ перваго же взгляда я узналъ, что имѣю дѣло съ людьми племени фановъ или пагуинцевъ; подобно послѣднимъ, зубы у нихъ обпилены острыми концами; волосы заплетены въ мелкія косички съ мѣдной проволокою; спереди они также носятъ передникъ изъ коры, а сзади кожу тигровой бошки; у нихъ тѣ-же ожерелья изъ зубовъ тигра, тѣ-же ножи-кинжалы, тѣ же колокольчики на поясѣ. Одинъ изъ нихъ, по видимому вліятельный предводитель, указалъ мнѣ на одинъ навѣсъ, назначенный вѣроятно для сходокъ или для принятія иностранцевъ; едва успѣлъ я войти туда и сѣсть, какъ вокругъ меня столпилась такая масса народа, что я буквально задыхался. Изнемогая отъ усталости, духоты и зловонія, распространившагося отовсюду, я тщетно просилъ, черезъ Изинга, дать мнѣ минуту отдыха; мнѣ не дали вздохнуть. Предводитель, приведшій меня подъ навѣсъ, обратился ко мнѣ и спросилъ важнымъ голосомъ: «Зачѣмъ бѣлый покинулъ свою страну? Зачѣмъ пришелъ онъ къ намъ? Съ какою цѣлю? Чего ищетъ онъ у насъ?» Изинга перевелъ мнѣ вопросы предводителя и, черезъ него же, я далъ слѣдующій отвѣтъ: «Я много слышалъ объ озіеба, что это могущественное и сильное племя великихъ воиновъ и искусныхъ охотниковъ; бѣлые очень любятъ людей ловкихъ и храбрыхъ, и желаютъ быть ихъ друзьями; вотъ почему, проѣзжая неподалеку отсюда, я посѣтилъ ихъ». Едва мой проводникъ окончилъ переводить эту рѣчь на туземный языкъ съ мпонгвейскаго, на которомъ я объяснялся, какъ въ толпѣ распространился ропотъ и ироническій смѣхъ. Предводитель наморщилъ брови. «Развѣ, сказалъ онъ, бѣлые привыкли говорить не то, что думаютъ? Неужели ты думаешь заставить насъ повѣрить, чтобы ты, богатый и могущественный, путешествовалъ подъ знойнымъ солнцемъ и довелъ до такого состоянія твои ноги единственно ради удовольствія видѣть насъ? Нѣтъ, нѣтъ, у тебя другая цѣль и мы хотимъ ее знать». Я понялъ, что необходимо поскорѣе исправить ошибку: «Предводитель, отвѣчалъ я, твоя проницательность удивительна. Ты и твои подданные велики не только храбростью, но и умомъ (*эвроньо*, голова, умъ); я пришелъ сюда не единственно за тѣмъ, чтобы видѣть васъ, но также съ цѣлю купить слоновой кости, потому что, какъ тебѣ извѣстно, бѣлые очень любятъ слоновую кость».

Озіеба, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ пагуинцами и габонцами, дѣйствительно знали, что бѣлые большіе любители слоновой кости; поэтому мой отвѣтъ показался имъ вполне правдоподобнымъ, и я тотчасъ замѣтилъ это. Предводитель сказалъ мнѣ, что его народъ готовъ вести дѣла со мною, но что слоновая кость находится на плантаціяхъ, принадлежащихъ деревнѣ¹⁾, и я могу видѣть ее только завтра. Я чувствовалъ себя не въ силахъ двигаться въ этотъ день, поэтому охотно согласился подождать до завтра, и заявилъ озіеба, что проведу ночь у нихъ. Я тотчасъ же предложилъ нѣсколько подарковъ предводителю и многимъ лицамъ, на которыхъ указывалъ Изинга, затѣмъ просилъ продать мнѣ чегонибудь съѣстнаго, такъ какъ умиралъ отъ голода. Мнѣ не предложили, какъ можно было ожидать, судя по рассказамъ г. Дюшалью о его пребываніи у фановъ, бедра негритянки или ляжки негра, а принесли корзину банановъ, сваренныхъ съ кусочками перца. Я не подражалъ въ этомъ случаѣ г. Дюшалью, не желавшему принимать пищи, приготовленной въ котлахъ, гдѣ постоянно варилось человѣческое мясо, а напротивъ уплеталъ за обѣ щеки незатѣйливый обѣдъ; вообще я долженъ признаться, что хотя людоедство озіеба не подлежитъ сомнѣнію, однако я никогда не встрѣчалъ въ деревняхъ ихъ и фановъ также тѣхъ «кучъ человѣческихъ костей, нагроможденныхъ вмѣстѣ съ внутренностями около каждой хижины», ни тѣхъ «грудь реберъ, берцовыхъ, бедряныхъ костей и череповъ, прислоненныхъ къ хижинамъ», которыя, если вѣрить знаменитому путешественнику, въ самомъ дѣлѣ превратили бы деревни этихъ дикарей въ настоящія человѣческія бойни. Послѣ полудня я купилъ за соль и бусы нѣсколько плодовъ, колокольчиковъ работы озіеба и очень маленькіе слоновые клыки; мнѣ приводили также козу, но за невозможную цѣну. Озіеба оригинальнымъ образомъ ведутъ торговлю: сначала они предлагаютъ вещь за умеренную цѣну; когда плата имъ выдана, они просятъ прибавить

¹⁾ Не имѣя постояннаго сбыта слоновой кости и постоянно опасаясь воровства, черные прячутъ слоновые клыки на плантаціяхъ, зарывая ихъ подъ корнями деревьевъ или на днѣ мелкихъ ручьевъ; много такихъ клыковъ достигаютъ факторій, пролежавъ болѣе пятнадцати лѣтъ подъ землею; такая слоновая кость дѣлается значительно нисшаго качества и известна въ торговлѣ подъ именемъ «dead ivory», мертвой слоновой кости.

еще что нибудь, и такъ далѣе до-того, что обыкновенно учетверяють прежде назначенную цѣну. Эта уловка сильно раздражала мои нервы и безъ того возбужденные, и если бы благоразуміе не требовало быть осторожнымъ съ людьми, которымъ предалъ себя съ руками и ногами, я давно бросилъ бы имъ въ фізіономіи всѣ ихъ бездѣлушки.

Съ наступленіемъ ночи, такъ какъ никто не пригласилъ меня въ хижину, я безъ церемоніи растянулся на землѣ подъ навѣсомъ и, подложивъ свою войлочную шляпу вмѣсто подушки, приготовился уснуть; въ эту минуту явился предводитель и, ударивъ меня по плечу, объявилъ, что его подданные устроили для меня маленькій праздникъ и будутъ танцовать подъ навѣсомъ, если я желаю. Ужъ давно шумъ тамъ-тама не тревожилъ моего сна; кромѣ того было бы весьма неучтиво отказаться; поэтому я отвѣчалъ, что буду очень радъ видѣть ихъ веселье, но самъ буду присутствовать, лежа въ углу, такъ какъ чувствую себя нездоровымъ. Про себя, я готовился храпѣть самымъ невиннымъ образомъ во время церемоніи; но увы! я рассчитывалъ такъ, не зная адской музыки, ожидавшей меня; оркестръ озіеба способенъ воскресить мертваго. Музыканты имѣютъ въ правой рукѣ рогъ, сдѣланный изъ выдолбленнаго слоноваго бѣлка, одна палочка у нихъ *продѣта въ носу*, а другую держатъ въ правой рукѣ; посредствомъ этихъ палочекъ, поднося вторую ко рту, они производятъ, Богъ знаетъ какимъ образомъ, звукъ, довольно похожій на звукъ гигантской свирѣли; потомъ изъ всѣхъ силъ дуютъ въ рога, извлекая звуки громкіе, рѣзкіе, фальшивые; всѣ присутствующіе потрясаютъ маленькими колокольчиками, которыми предварительно запасаются, топчутъ ногами по землѣ и издаютъ пронзительные крики ¹⁾).

Я приходилъ въ отчаяніе; до двухъ часовъ утра я ни на минуту не могъ сомкнуть глазъ; наконецъ танецъ прекратился, и меня провели въ довольно опрятную хижину. Кровать была сдѣлана изъ сбитой земли, твердой какъ камень, въ изголовьи лежалъ обрубокъ дерева; здѣсь я все-таки могъ хотя немного отдохнуть. Съ разсвѣтомъ пришелъ ко мнѣ Изинга; онъ объявилъ, что озіеба слышали обо

¹⁾ Мой другъ Коффиньеръ присутствовалъ у лагуинцевъ Кома при такой же сценѣ, съ которой сдѣлалъ прехорошенькій снимокъ.

мнѣ, какъ о замѣчательномъ стрѣлкѣ, и просили сдѣлать нѣсколько ловкихъ выстрѣловъ. Я тотчасъ взялъ ружье и, въ присутствіи всей деревни, уже приготовившейся къ великому зрѣлищу, убилъ однимъ выстрѣломъ двухъ голубей, затѣмъ, послѣдовательно, нѣсколькихъ крошечныхъ суи-мангасъ, которые сидѣли на большихъ деревьяхъ, окружавшихъ хижину. Въ этомъ не было особеннаго искусства съ моей стороны, потому что я убилъ всѣхъ птицъ сидячими, на разстояніи полу-выстрѣла; тѣмъ не менѣе озіеба были буквально поражены и смотрѣли на мое ружье съ суевѣрнымъ ужасомъ. Къ восьми часамъ утра принесли съ плантаціей слоновую кость. Тутъ были клыки всѣхъ величинъ.—Нѣкоторые вѣсили отъ тридцати до тридцати пяти килограммовъ, между тѣмъ какъ другіе не превышали четырехъ фунтовъ. Я тотчасъ же объявилъ, какъ было вполнѣ справедливо, что со мною не было необходимыхъ товаровъ для покупки всей кости; но мнѣ отвѣтили, что я могу условиться въ цѣнѣ съ продавцами, и Изинга, человекъ расторопный, отправится къ моему другу и принесетъ все необходимое для уплаты. Но когда вопросъ коснулся цѣны каждаго изъ большихъ клыковъ, озіеба сразу потребовали такую массу товаровъ, что, я думаю, въ Парижѣ можно было бы дешевле купить такіе клыки. Я остановился на маленькихъ; у меня оставалось немного товаровъ, за которые я рассчитывалъ купить съ полдюжины клыковъ, хотя бы въ воспоминаніе объ этой экспедиціи. Клыкъ менѣе четырехъ фунтовъ вѣсомъ самъ по себѣ не имѣетъ почти никакой цѣнности, и озіеба отлично знаютъ это; но торговцы были такъ нахальны и несносны, что я потерялъ всякое терпѣніе, и, истощивъ весь запасъ французской, англійской и мпонгвейской брани, приказалъ Изинга немедленно запаковать вещи, и, захвативъ ружье и ягташъ, рѣшился тотчасъ же уйти изъ деревни; но не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ былъ окруженъ сотнею человекъ, вооруженныхъ ружьями и копьями; они загородили мнѣ путь и всѣ разомъ кричали что-то, чего я не понималъ. Вотъ и попалъ въ западню, подумалъ я: эти господа сегодня вечеромъ изжарятъ меня на обѣдъ; вотъ, что значитъ соваться въ волчью пасть. Я приготовился, съ револьверомъ въ рукѣ, дорого продать свое мясо, какъ вдругъ Изинга, немного отставшій, прибѣжалъ на шумъ и объяснилъ мнѣ, что я не рисковалъ ни быть

съѣденнымъ, ни потерять свободу; озіеба не хотѣли только отпустить меня разгнѣваннымъ, и мнѣ слѣдовало дожидаться курицы и банановъ, что предводитель предложитъ мнѣ въ знакъ пріятнаго воспоминанія о себѣ и своихъ подданныхъ. Эти слова значительно облегчили меня; получивъ курицу и бананы и заплативъ за эту любовь всю, остававшуюся у меня солью, я вышелъ изъ деревни и, очутившись снова въ горахъ вдвоемъ съ проводникомъ, вздохнулъ какъ человѣкъ, съ котораго сняли грузъ въ пятьдесятъ килограммовъ. При состояніи моего здоровья, я употребилъ болѣе дня для достиженія первой окандской хижины на берегу Огоуэ, близъ того мѣста, гдѣ мы переправлялись черезъ рѣку. Изинга сказалъ своимъ соотечественникамъ, что мы охотились въ лѣсу, неподалеку отъ жилищъ озіеба; оканда подумали, что охота была утомительно, потому что на этотъ разъ я получилъ такую сильную лихорадку и рвоты, какія рѣдко испытывалъ въ жизни; женщины, бывшія въ хижинѣ, ухаживали за мною съ замѣчательною преданностью, и на другой день я могъ добраться кое-какъ до Лопеца, гдѣ пролежалъ въ постели восемь дней.

Какъ я уже упоминалъ, озіеба несомнѣнно суть представители одной и той же многочисленной расы фановъ или пагуинцевъ; подобно послѣднимъ, они приходятъ густыми толпами съ востока или скорѣе съ сѣверо-востока. Въ самомъ центрѣ Африки, нѣсколько къ сѣверу отъ экватора, находится, очевидно, разсадникъ людоедовъ, пускающій вѣтви на западъ и востокъ Африки; на западъ онъ посылаетъ пагуинцевъ и озіеба; на востокъ монбутту и ніамъ-ніамовъ, о которыхъ я буду имѣть случай говорить. Пагуинцы, озіеба, монбутту и ніамъ-ніамъ происходятъ очевидно отъ одного корня, имѣющаго многочисленныя развѣтвленія. Докторъ Швейнфуртъ причисляетъ къ одному только племени монбутту миллионъ душъ; адмиралъ Лангль опредѣлилъ число пагуинцевъ въ 60,000 человѣкъ: въ такомъ количествѣ они семь лѣтъ тому назадъ окружали наши поселенія, а теперь число это должно утроиться; что касается озіеба, то намъ лично извѣстно, что они распространены плотными массами на протяженіи болѣе ста лье въ длину. Трудно, конечно, опредѣлить съ точностью причины, вызвавшія расчлененіе этой большой расы, однако болѣе чѣмъ вѣроятно предположить, что главными по-

будительными причинами ихъ переселеній какъ на западъ, такъ и на востокъ служатъ постоянно возрастающее количество населенія, истребленіе дичи и желаніе приблизиться къ торговымъ поселеніямъ.

Я думаю, для читателя будутъ весьма интересны краткія выдержки изъ одного путешествія знаменитаго путешественника Швейнфурта, который на протяженіи болѣе восьми сотъ лье нашелъ племена, представляющія поразительное сходство съ пагуинцами; мнѣ пріятно также будетъ указать лицамъ, обвиняющимъ меня въ превеличеніяхъ по поводу людоѣдства пагуинцевъ, сѣдающихъ трупы своихъ умершихъ отъ болѣзни собратій, что докторъ Швейнфуртъ подтвердилъ существованіе этого гнуснаго обычая, еще чаще встрѣчающагося у племенъ, поразительно сходныхъ съ пагуинцами характеромъ, внѣшнимъ видомъ и нравами.—Но прежде чѣмъ начать рассказъ, припомню, что сочиненіе доктора Швейнфурта составлялось почти въ то самое время, когда я отправилъ въ Географическое Общество всѣ подробности относительно пагуинцевъ и озіеба, которыя здѣсь изложены; слѣдовательно, описывая эти народы, я не могъ знать сочиненій г. Швейнфурта, который, съ своей стороны, излагая свой рассказъ, не имѣлъ подъ рукою моихъ сочиненій.

Ніамъ-ніамы живутъ въ западной части Африки, между четвертымъ и шестымъ градусами сѣверной широты; долгое время ихъ называли *хвостатыми людьми*, полагая, что они въ самомъ дѣлѣ рождаются съ длинными хвостовыми придатками. Эта ошибка происходила отъ того, что ніамъ-ніамы очень часто подвязываютъ сзади, у бедеръ, бычачьи хвосты, которые слишкомъ легковѣрнымъ путешественникамъ казались природными. Имя ніамъ-ніамъ, данное имъ соседними племенами, означаетъ слово въ слово *ниш-ниш*, т. е. великіе обжоры, какъ переводитъ г. Швейнфуртъ, и, странно, что это названіе имѣетъ то же значеніе на мпонгвейскомъ языкѣ, гдѣ *ниа* значитъ ѣсть.

У нихъ, говоритъ докторъ Швейнфуртъ, встрѣчаются «разнообразные обычаи, свидѣтельствующіе о близкомъ сродствѣ этого народа съ габонскими пагуинцами; тѣ и другіе заостряютъ рѣзцы и носятъ одежду изъ коры, равно какъ красятъ себѣ кожу экстрактомъ краснаго дерева. Шкура леопарда у тѣхъ и другихъ служитъ знакомъ княжескаго достоинства; они одинаково убираютъ

свои замѣчательно длинные волосы и любятъ заплетать въ косички. Оба народа имѣютъ мѣдный оттѣнокъ кожи, исполняютъ тѣ же пляски и предаются тѣмъ же оргіямъ во время полнолунія. Наконецъ, тѣ и другіе, по преимуществу, охотники...». «Согласно съ тѣмъ, что я слышалъ, и главнымъ образомъ видѣлъ самъ, положительно утверждаю, что ніамъ-ніамы людоеды; вовсе не желая скрывать этого, они собираютъ зубы своихъ жертвъ и приготавливаютъ изъ нихъ ожерелья, которыя хвастливо носятъ, въ видѣ украшенія. Въ ихъ охотничьихъ трофеяхъ встрѣчаются черепа съѣденныхъ ими людей; человѣческій жиръ у нихъ въ ежедневномъ употребленіи. Во время войны, судя по рассказамъ, съѣдаются люди всѣхъ возрастовъ, но главнымъ образомъ старики, которые, по ихъ слабости, представляютъ легкую добычу; во всякое другое время, если умираетъ одинокій человѣкъ, трупъ его служитъ пищею обитателямъ того самага округа, въ которомъ жилъ умершій. Нубійцы увѣрили меня, что буго, умершіе отъ усталости позади своихъ каравановъ, были вырты изъ земли и съѣдены. Я не хотѣлъ этому вѣрить, но сами ніамъ-ніамы, вовсе не стыдящіяся своего людоедства, признавались, что у нихъ всѣ трупы, исключая умершихъ отъ накожныхъ болѣзней, пригодны для стола. Между всѣми африканскими народами, несомнѣнно пожирающими человѣческое мясо, одни только габонскіе фаны достойные соперники ніамъ-ніамовъ. Подобно послѣднимъ, они торгуютъ своими мертвецами и рассказываютъ примѣры, когда они также вырываютъ трупы для ѣды ¹⁾». Изъ числа другихъ сходственныхъ чертъ между ніамъ-ніамами, пагуинцами или озіеба, приведу слѣдующія: «У ніамъ-ніамовъ, говоритъ докторъ Швейнфуртъ, обыкновенныя бусы не имѣютъ никакой цѣны; единственныя, пользующіяся у нихъ значеніемъ, — это большія бусы голубаго стекла». Точно также во время моего пребыванія у озіеба, у меня не хотѣли принимать бусъ разныхъ блестящихъ цвѣтовъ, а требовали однѣхъ только большихъ бусъ голубаго стекла, которыя здѣсь носятъ названіе «Сенегальскаго жемчуга». Мнѣ предлагали даже слоновую кость за такія бусы, но, къ сожалѣнію, я взялъ

¹⁾ Смотри *le Tour du Monde*, годъ 1874, *Au coeur de l'Afrique*, путешествіе доктора Швейнфурта.

ихъ съ собою ничтожное количество «У ніамъ-ніамовъ, продолжаетъ докторъ Швейнфуртъ, многіе мужчины украшаютъ пояса и прическу ушовками». При первомъ посѣщеніи озіеба, Маршъ и я были очень удивлены, видя на нихъ множество этихъ ушовокъ, хотя эти маленькія раковины, замѣняющія монету и вмѣстѣ съ тѣмъ служащія украшеніемъ въ Занзибарѣ и нѣкоторыхъ частяхъ восточной Африки, никогда не ввозятся въ западную Африку, или по крайней мѣрѣ въ часть ея; поэтому онѣ могли попасть къ озіеба не иначе, какъ пройдя всю Африку.—Докторъ Швейнфуртъ приобрѣлъ въ странѣ ніамъ-ніамовъ ножи туземнаго издѣлія, которые онъ называетъ *трумбаизъ*; они почти одинаковы съ ножами, купленными нами у пагуинцевъ и озіеба и носящими названіе жертвенныхъ ножей; но эти ножи имѣютъ весьма странную, сложную конструкцію, и трудно предположить, чтобы были сразу придуманы двумя племенами, не имѣвшими между собою сообщенія. Наконецъ знаменитый нѣмецкій путешественникъ слѣдующимъ образомъ описываетъ охотничьихъ собакъ ніамъ-ніамовъ: «Онѣ похожи на волкодава, маленькаго роста, съ стоячими, большими ушами, короткой, гладкой шерстью и короткимъ хвостомъ, завитымъ какъ у свиньи; очень острая морда рѣзко отдѣляется отъ широкаго, выпуклаго лба, и т. д.». У пагуинцевъ точно такія собаки, и описаніе доктора можно цѣликомъ примѣнить къ маленькому экземпляру, по имени Айуна, взятому моимъ другомъ Коффиеромъ у пагуинцевъ во время одной экспедиціи противъ нихъ на берегу рѣки Комо. Я ограничусь этими извлеченіями, чтобы не утомлять читателя, и перехожу къ монбутту, другому многочисленному племени, посѣщенному докторомъ Швейнфуртомъ; это племя по своему людоѣдству и нравамъ представляетъ огромное сходство съ пагуинцами. Монбутту непосредственные сосѣди пагуинцевъ; они живутъ между третьимъ и четвертымъ градусами сѣверной широты; докторъ Швейнфуртъ насчитываетъ ихъ болѣе *милліона*. Изъ всѣхъ африканскихъ странъ, отличающихся людоѣдствомъ, здѣсь оно наиболѣе развито. Монбутту окружены съ сѣвера и юга черными племенами, которыя ниже ихъ въ общественномъ быту и презираются ими; у этихъ народцевъ монбутту находятъ обширное поле битвы, или, лучше сказать, просторное мѣсто для охоты и грабежа, гдѣ они питаются какъ мясомъ животныхъ, такъ и человѣческимъ; всѣ

тѣла убитыхъ немедленно разрубаются на части, копятся на мѣстѣ и увозятся въ видѣ съѣстныхъ припасовъ.—Плѣнники, уводимые толпами, сохраняются на время и въ свою очередь служатъ для удовлетворенія страшнаго аппетита побѣдителей. Людоѣды приготавливаютъ человѣческой жиръ, который служитъ имъ обычной приправою для стола, и проч. и проч...»—Странно и въ то-же время несомнѣнно, что, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ Африки, эти завѣдомые людоѣды отличаются храбростью, физическою силою, умомъ, ловкостью, промышленностью, однимъ словомъ огромнымъ превосходствомъ надъ выродившимися племенами, ихъ окружающими. Мы достаточно говорили о пагуинцахъ и озіеба, объ ихъ храбрости, умѣньи ковать желѣзо, охотиться и вести торговлю, объ ихъ глубокомъ презрѣннн къ племенамъ, ихъ окружающимъ. Ніамъ-ніамы и монбутту еще значительно выше въ этомъ отношеніи, потому что не такъ наглы, менѣе коварны и гораздо болѣе способны къ признательности и преданности. Вотъ что говорить о монбутту докторъ Швейнфуртъ: «... И не смотря на все это, они представляютъ благородное племя людей, гораздо болѣе развитое, чѣмъ ихъ сосѣди, приходящіе въ ужасъ отъ ихъ людоѣдства. Они не лишены политическихъ способностей и нѣкотораго рода національной гордости; одарены мыслительными способностями, какими рѣдко обладаютъ африканскіе народы. Ихъ промышленность находится въ цвѣтущемъ состояннн и дружба ихъ искренна».

Я надѣюсь, читатель получилъ достаточно подробныя свѣдѣннн объ озіеба и ихъ соплеменникахъ восточной Африки; поэтому я оставляю ихъ и возвращаюсь къ разсказу о нашемъ путешествіи и приключеніяхъ; но прежде чѣмъ закончить эту главу, позволю сдѣлать одно послѣднее замѣчаніе. Я очень доволенъ тѣмъ, что сдѣлалъ визитъ къ озіеба, о которомъ только что разсказалъ читателю и который, правда, стоилъ мнѣ многихъ мученій; весьма доволенъ этимъ не только потому, что во время моего короткаго пребыванія у нихъ имѣлъ возможность изучить ихъ нравы, характеръ и привычки,—возможность, которая впослѣдствіи ни разу мнѣ не представлялась, но главнымъ образомъ еще потому, что, по моему мнѣнню, безъ этого визита, безъ подарковъ и знаковъ дружбы, которые я имъ выразилъ, ни Маршъ, ни я не верну-

лись-бы живыми изъ Огоузъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что позднѣе, когда мы попали въ приготовленную ими засаду, въ моментъ нечаяннаго нападенія, о которомъ я сейчасъ расскажу, озіеба шли только проводниковъ нашихъ оканда, а не противъ насъ самихъ; во время схватки они стрѣляли въ упоръ и легко могли избрать насъ своими жертвами; несомнѣнно также, что до той минуты, когда мы были принуждены, для защиты нашихъ людей, изъ которыхъ многіе тяжело были ранены, въ свою очередь стрѣлять по нимъ, до той минуты озіеба не цѣлили въ насъ. Весьма вѣроятно, что они поступали такъ по одному воспоминанію, что я былъ у нихъ гостемъ и вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ много разъ подарками доказывалъ имъ нашу дружбу.

Нападеніе и бѣгство.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Нападеніе и бѣгство.

Оканда соглашаются подняться съ нами по Огоуэ.—Прибытіе депутатовъ озіебо и мадума.—Прибытіе короля Ованга.—Приготовленія къ отъѣзду.—Мы оставляемъ Лонецъ.—Шико остается беречь вещи.—Быстрота пороговъ и ловкость оканда.—Островъ попугаевъ.—Рѣка Офуэ.—Фетишѣрь и фетиши.—Я жестоко болѣнь.—Нашъ флотъ отправляется.—Первая деревня озіеба.—Весьма натянутыя торговыя сношенія.—Многочисленныя воинственныя угрозы.—Водопадъ Фаре.—Конецъ пороговъ.—Радость находиться внѣ опасности.—Засада.—Озіеба стрѣляютъ въ упоръ по нашимъ пирогамъ.—Первая паника.—Мы воодушевляемъ нашихъ людей къ бою.—Рѣка Ивиндо.—Новое нападеніе.—Ужасъ нашихъ проводниковъ.—Стремительное бѣгство.—Я едва не утопаю въ водопадѣ Фаре.—Маршъ застаетъ въ распахъ засаду озіеба.—Смерть двухъ озіеба.—Перемиріе.—Людоѣды вѣрятъ на слово бѣлымъ.—Возвращеніе въ Лонецъ.—Проклятія со стороны семействъ павшихъ воиновъ.—Раздача неразбавленнаго рома.

Оканда не поддались коварнымъ увѣщаніямъ Реноке и его подчиненныхъ; со времени нашего прибытія соль, порохъ, мѣдь, матеріи, вообще всѣ цѣнные товары, которые они получали до сихъ поръ по страшно высокимъ цѣнамъ, попадали къ нимъ въ изобиліи; мы обращались съ ними очень ласково, и они отлично понимали выгоду оставаться у бѣлыхъ и оказывать имъ услуги, всегда оплачиваемыя сторицею. Кромѣ того, сами они очень были не прочь подняться по

Огоузъ, въ страну озіебо ¹⁾ и мадума; прежде они вели постоянныя торговыя сношенія съ этими двумя народами, у которыхъ покупали слоновую кость и невольниковъ. Два года тому назадъ наплывъ озіеба прекратилъ эти сношенія; оканда, къ ихъ большому сожалѣнію, не осмѣливаясь проходить черезъ земли людоѣдовъ, принуждены были отказаться отъ поѣздокъ, приносившихъ имъ большія выгоды. Присутствіе двухъ бѣлыхъ, которыхъ они считали существами высшими, видъ нашего усовершенствованнаго оружія, и кромѣ того значительная, относительно, плата, предложенная тѣмъ оканда, которые согласятся везти наши пироги и поклажу, — все это поддержало въ нихъ храбрость, и они обѣщали проводить насъ къ мадума. Около этого времени четыре депутата озіебо и четыре мадума, обманувъ бдительность озіеба, приплыли, каждый въ маленькой пирогѣ, въ страну оканда, умоляя ихъ пріѣхать къ послѣднимъ и объявивъ, что у нихъ есть огромный запасъ слоновой кости и невольниковъ для продажи. Этотъ случай усилилъ энергію оканда и побудилъ ихъ къ окончательному отъѣзду. 23 февраля насъ посѣтилъ одинъ король, по имени Ованга, большой трусъ и замѣчательно глухой. По смерти Авеле этотъ человекъ начальствуетъ надъ оканда вмѣстѣ съ однимъ предводителемъ, по имени Н'Дунду. Онъ явился требовать съ насъ уплаты, такъ какъ его семейство у оканда, подобно семейству Реноке у Ломбарена, имѣетъ право требовать подарки у всѣхъ, проѣзжающихъ по рѣкѣ. Мы сдѣлали ему хорошій подарокъ и затѣмъ могли серьезно заняться нашимъ отъѣздомъ. Было условлено, что люди Н'Дунду на его пирогахъ повезутъ наши вещи и одни только получаютъ отъ насъ плату; а прочіе оканда, которыхъ было очень много и которые ѣхали къ озіебо и мадума по своимъ дѣламъ, отправятся на свой счетъ. Чтобы не давать повода къ зависти, я рѣшилъ ѣхать съ Ованга, а Маршъ долженъ былъ отправиться въ пирогѣ Н'Дунду. Отъѣздъ былъ назначенъ на 28 февраля. Для большей увѣренности въ акуратности Н'Дунду и его людей, мы заставили ихъ ночевать наканунѣ отъѣзда въ Лопецѣ. И

¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать озіебо съ озіеба, ихъ смертельными врагами. Озіебо, съ незапамятныхъ временъ союзники оканда и больше всего желаютъ посѣщенія бѣлыхъ; по всей вѣроятности, у нихъ не существуетъ людоѣдства.

вотъ, 28-го, съ разсвѣтомъ, всѣ были готовы къ путешествію. Шико не сопровождалъ насъ: мы оставили его стеречь часть нашихъ вещей, которую не могли захватить съ собою и отложили въ запасъ для обезпеченія себя на случай, если будемъ ограблены въ дорогѣ, въ чемъ не было ничего невѣроятнаго. Бѣдный Шико горько плакалъ, прощаясь съ нами. Едва прошло съ четверть часа послѣ нашего отплытія, какъ мы очутились передъ цѣлыхъ рядомъ страшныхъ пороговъ, извѣстныхъ у оканда подъ именемъ М'Бумбе. Съ первой же минуты, мы съ удовольствіемъ увидѣли, что оканда въ опасныхъ и трудныхъ мѣстахъ оправляются еще ловче, если только это возможно, чѣмъ галлуасы и иненга. Они часто выполняли одинъ пріемъ, который я счелъ-бы положительно невозможнымъ, если-бы не видѣлъ собственнымъ глазами; взявъ въ зубы лану, привязанную къ лодкѣ, они бросались въ воду; затѣмъ, взбираясь вплавь, какъ настоящіе лососи, на самые быстрые пороги, привязывали пирогу къ какому-нибудь утесу и притягивали къ себѣ. Послѣ полудня мы остановились на нѣсколько минутъ у оака, живущихъ на правомъ берегу, на клочкѣ земли, оставленномъ имъ озіеба, Богъ знаетъ на долголи. Оака находятся почти въ первобытномъ состояніи и питаются едва-ли не исключительно продуктами охоты и рыбной ловли. Даже у самихъ оканда они слывутъ за дикарей! Мы ночевали близъ одной деревни, гдѣ ожидалъ насъ Ованга, съ которымъ я долженъ былъ ѣхать. 1-е и 2-е марта мы подымались по порогамъ и присутствовали при всевозможныхъ церемоніяхъ, имѣвшихъ цѣлю исходатайствовать покровительство духовъ. Мы останавливались всякій разъ, когда проѣзжали мимо деревень, встрѣчающихся на каждомъ шагу по лѣвому берегу рѣки. На берегу насъ всегда встрѣчала многочисленная толпа, сбѣгавшаяся посмотреть на насъ. Оканда-канда, какъ они любятъ называть себя, не могли наглядѣться на насъ; впрочемъ, они оказывали намъ всегда большое уваженіе, безпрестанно повторяя: «*Аве тангани фала!* (вы, бѣлые французы) вы отцы и матери всего нашего народа!» Почти въ каждой деревнѣ мы встрѣчали новыхъ знакомыхъ; они являлись съ ружьями и приказывали своимъ женамъ подвозить въ пирогахъ по небольшому сундучку изъ бѣлаго дерева, изъ которыхъ, волей-неволею, приходилось покупать

бананы и большіе куски болѣе или менѣе испорченнаго бычачьяго мяса.

3 марта. Мы достигаемъ, на лѣвомъ берегу, большой рѣки Офуэ, которая ведетъ въ страну схибэ, самаго красиваго изъ всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ племенъ экваторіальной Африки. Эта рѣка также имѣетъ весьма важное значеніе, какъ граница между оканда и озіеба; за этимъ пунктомъ мы будемъ во вражеской странѣ.

Мы провели ночь на островѣ Ненъ'н'Госхо, т. е. островѣ попугаевъ. Онъ, по-истинѣ, заслуживаетъ это названіе; каждый вечеръ тысячи сѣрыхъ попугаевъ прилетаютъ на большія деревья острова; эти сѣрые попугаи самыя кривливыя изъ всѣхъ, мнѣ извѣстныхъ ¹⁾. Съ заката солнца и до наступленія ночи они слетаются изъ за семи или восьми лье, производя оглушительный шумъ. Въ теченіи всей ночи они не прекращаютъ своей адской музыки, которая усиливается къ началу дня, передъ отлетомъ ихъ въ окрестности.

Мы не могли сомкнуть глазъ.

4 марта. Къ намъ присоединились двѣ новыя пироги, изъ которыхъ одна везетъ великаго фетишера, или огангага. Это маленькій человѣчекъ съ куньей фізіономіею; на головѣ у него войлочная шляпа презабавной формы, а вокругъ шеи множество амулетовъ и разныхъ талисмановъ. Онъ держитъ въ рукѣ большую палку съ колокольчикомъ на концѣ, къ которой привѣшены кости обезьяны, кусокъ кожи выдры, слоновьи усы, птичьи лапы и разная дрянь. Это весьма почитаемый фетишъ. Прибытіе этой знаменитой особы даетъ поводъ къ разнаго рода церемоніямъ, которыя не позволяютъ намъ завтра двинуться въ путь. Этотъ день былъ одинъ изъ самыхъ несчастныхъ для меня; намъ пришлось пролежать на песчаной отмели, плохо защищенной палатками отъ москитовъ, отъ 42-градуснаго солнечнаго зноя, въ припадкѣ горячки. Къ вечеру я окончательно

¹⁾ Извѣстно, что сѣрый Габснскій попугай съ краснымъ хвостомъ лучше всѣхъ другихъ выучивается говорить. Странно, что сѣрые попугаи Калабара и Конго, которые волюнѣ сходны съ ними, если не считать слегка болѣе темный оттѣнокъ оперенія, отличаются своею неукротимостью; поэтому, въ Сентъ-Поль де Лоанда или въ Бонни можно имѣть сѣраго попугая за три или четыре франка, между тѣмъ какъ въ Габонѣ, Либревиллѣ за нихъ нерѣдко платятъ по сорока и пятидесяти франковъ.

слегъ на попеченіе Марша. Ованда изумленно смотрѣли на мои страданія. Какимъ образомъ, говорили они, этотъ человѣкъ бѣлъ, страшно богатъ, всемогущъ, и всетаки болѣнъ, какъ простой негръ. Къ одиннадцати часамъ вечера, когда, избавившись отъ припадковъ, я начиналъ смыкать глаза, меня разбудила страшная суматоха: ованда плясали, пѣли, стрѣляли изъ ружей, и подняли страшный гвалтъ. Маршъ всталъ посмотрѣть что случилось, и узналъ, что огангага, послѣ таинственной церемоніи, имѣвшей цѣлю узнать будущее, отвѣчалъ за успѣхъ экспедиціи и предсказывалъ огромные барыши для предпринимателей. Здѣсь не бесполезно будетъ упомянуть, что огангага везъ съ собою множество товаровъ и очень хотѣлъ побывать у озіебо и мадума, чтобы вымѣнять свои товары, съ большою выгодною, на невольниковъ и слоновую кость.

5 марта. Днемъ мы отправляемся въ путь. Нашъ флотъ имѣетъ теперь правильный составъ; вотъ онъ: адмиральскій корабль, или огромная пирога для насъ, тяжелая, массивная и неуклюжая, но способная выдержать самые сильные толчки и самые острые утесы. Король Ованга и вашъ покорѣйшій слуга командуютъ этимъ судномъ; экипажа съ нами тридцать два человѣка. Затѣмъ два большіе фрегата: одинъ Н'Дунду, котораго сопровождаетъ Маршъ, другой —огангага; въ каждомъ двадцать два гребца. Далѣе три корвета, принадлежащіе разнымъ овандскимъ предводителямъ, съ экипажемъ около пятидесяти человѣкъ; пять крошечныхъ лодокъ съ четырьмя озіебо и четырьмя мадума. Эта часть флота интересна не менѣе остальныхъ. Депутаты возвращаются домой, иные по одиночкѣ, другіе по два, въ лодкахъ, весьма похожихъ на орѣховую скорлупу. Поклажа ихъ не тяжела; она состоитъ изъ одного ящика бѣлаго дерева, содержащаго немного пороху, бусы и нѣсколько кусковъ матеріи (для пріобрѣтенія этого ничтожнаго количества товаровъ они предприняли опасное шестинедѣльное путешествіе); кромѣ того, у нихъ есть запасъ банановъ, два гарпуна и сѣть, которыми они добываютъ себѣ пропитаніе въ продолженіи всего пути. Они гребутъ съ необычайною быстротою. Доплывъ до труднаго мѣста въ рѣкѣ, они подѣзжаютъ къ берегу; преспокойно взваливаютъ пироги на плечи и идутъ вдоль берега, пока можно будетъ опять спустить лодки на воду. Такимъ образомъ въ нѣсколько минутъ

они перебираются черезъ такія мѣста, на которыхъ мы возимся по цѣлымъ часамъ. Въ ожиданіи нашего прїѣзда, они занимаются рыбной ловлею, и рѣдко случается, чтобы ко времени нашего прибытія они не поймали сѣтями или гарпунами нѣсколькихъ большихъ рыбъ. Озіебо, сопровождающіе насъ, довольно похожи на оканда, только они не такъ высоки и хуже сложены. Мадума—невзрачные люди, очень маленькаго роста и чрезмѣрно широки въ плечахъ, съ весьма приплюснутымъ носомъ и подслѣповатыми глазами.

Сегодня, какъ и въ предшествовавшіе дни, жара невыносимая. Температура здѣшнихъ мѣстъ значительно разнится отъ температуры Габона. Въ Габонѣ температура держится почти неизмѣнно на 31 или 32°, а въ Оканда нерѣдко бываетъ 40; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Лопецѣ мы замѣчали иногда пониженіе температуры до 18°. День прошелъ въ тяжелой борьбѣ съ порогами. Мы проѣхали мимо многихъ деревень озіеба, построенныхъ одинаково на обоихъ берегахъ. Жители не только не выказываютъ къ намъ никакой открытой вражды, но даже предлагаютъ побунать бананы, куръ и т. п.; впрочемъ съ той и другой стороны довѣріе весьма не велико. Наши воины остаются въ пирогахъ, съ ружьями на-готовѣ; озіеба останавливаются на разстояніи ружейнаго выстрѣла и почти держатъ насъ подъ дуломъ ружей. Нѣсколько женщинъ подходятъ съ провизією, а нѣкоторые изъ нашихъ выходятъ покупать. По заключеніи торга происходитъ мѣна, причемъ соль, бусы и мѣдь мѣняются на съѣстные припасы; затѣмъ покупатели и продавцы поспѣшно расходятся. Часто при самомъ разгарѣ торговли общая паника, неизвѣстно почему, овладѣваетъ присутствующими: продавцы озіеба убѣгаютъ, какъ можно скорѣе, къ своимъ, которые скрываются въ лѣса, а оканда стремительно бросаются въ пироги и выплываютъ на середину рѣки. Мы съ Маршемъ не могли удержаться отъ смѣха при видѣ такой забавной торговли. Мы конечно никогда не ночевали на берегу, а довольствовались песчаными отмелями, которыя, въ эту пору, часто встрѣчаются среди Огоуэ. Эту ночь мы были промочены до костей дождемъ съ сильной грозой. У оканда нѣтъ даже палатокъ отъ москитовъ; они спятъ совсѣмъ нагіе на сыромъ пескѣ, и дождь по видимому вовсе не беспокоитъ ихъ.

6 марта. Погода ничѣмъ не отличается отъ вчерашней: та-же невыносимая жара; кромѣ того, какъ и вчера, та-же утомительная борьба съ порогами и забавная торговля съ озіеба, прерываемая тревогами. Мадума поймали огромную черепаху, спавшую на песчаной отмели, но не захотѣли продать намъ ея. Она очень годилась бы для нашего стола. Всякій разъ, когда мы обѣдаемъ, насъ окружаетъ толпа оканда, которые, какъ голодные собаки, бросаются на выкидываемыя нами кости куръ, рыбъ и ананасныя корки. Эти люди отвратительны. Г. Дюшалью гдѣ-то упоминаетъ, что черные экваторіальной Африки не чувствуютъ запаха гніющаго мяса; за то мы чувствуемъ его слишкомъ сильно: въ пирогахъ оканда есть куски мяса быка, убитаго восемь дней тому назадъ! Впрочемъ, сегодня они показали намъ примѣръ ихъ небрезгливости, превосходящей всякое описаніе: послѣ полудня четыре человѣка въ пирогѣ Марша, замѣтивъ какой-то плавающий предметъ, бросились за нимъ въ воду, едва не опрокинувъ пирогу; это былъ трупъ апомалагус (порода большой летучей веши), животное утонуло, вѣроятно, дней десять тому назадъ, все позеленѣло, страшно раздулось и кожа совершенно отстала. И вотъ, сегодня вечеромъ, они изжарили эту падалъ и съѣли не, вынувъ даже потроховъ, съ видомъ величайшаго наслажденія.

Къ вечеру наши проводники казались непокойными; можно было предполагать, что если озіеба нападутъ на насъ, то это случится завтра; по этому случаю огангага всю ночь проситъ покровительства Магонго (іасси оканда), М'Буири и другихъ небесныхъ и адскихъ силъ.

7 марта. Сегодня утромъ нѣсколько озіеба прокричали намъ на ходу, что для насъ устроена неподалеку засада, и мы хорошо сдѣлаемъ, если поскорѣе возвратимся назадъ.

Это предостереженіе было весьма правдоподобно: мѣсто, указанное ими, оказывалось весьма удобнымъ для засады, потому что тамъ намъ приходилось придерживаться берега и тянуть лодки бичевою среди всякаго рода препятствій; поэтому мы немедленно остановились, и огангага три раза потрясъ своимъ знаменитымъ фетшемъ съ колокольчикомъ, съ цѣлю заговорить опасность. Съ этой минуты, всякій разъ, когда пороги заставляли насъ проѣзжать на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ берега, мы высаживали до тридцати воиновъ,

которые пробирались въ кустахъ, какъ настоящія змѣи, и очищали намъ путь; но они не открыли ничего враждебнаго ни въ указанномъ намъ мѣстѣ, ни дальше. Мы видѣли, правда, на правомъ берегу десятка два воиновъ озіеба, раскрашенныхъ красною краскою; но наши люди, придерживавшіеся въ эту минуту середины рѣки, не поняли ихъ словъ и плыли дальше, не заботясь подъѣзжать къ берегу для объясненій.

Сегодня, послѣ полудня, произошло событіе, весьма насъ порадовавшее и оживившее нашу энергію посреди столькихъ непріятностей, утомленія и лишеній всякаго рода. Мы открыли великолѣпный водопадъ Боуэ, которому, пользуясь привиллегією всѣхъ путешественниковъ, дали названіе водопада Фаре, въ память г. Фаре, главнаго лѣсничаго. Въ этомъ мѣстѣ Огоуэ цѣликомъ падаетъ съ высоты двадцати шести футовъ; это одна изъ великолѣпнѣйшихъ панорамъ, какими намъ когда-либо удавалось любоваться. Такъ какъ еще не поздно, то мы проводимъ остатокъ дня у подножія этого водопада; пока Маршъ снимаетъ фотографическіе виды ¹⁾ мѣстности, наши проводники ловятъ гарпунами, преимущественно изъ гигантскихъ вершей, разставленныхъ озіеба, очень большихъ рыбъ, изъ которыхъ многія вѣсятъ не менѣе пятнадцати фунтовъ; мы, тотчасъ же, препарировали многіе виды этихъ рыбъ, еще неизвѣстные въ естественной исторіи.

8 марта. Наши воины производятъ съ нами рекогносцировки въ окрестностяхъ Боуэ изъ опасенія засады; такія экскурсіи по убійственнымъ дорогамъ страшно мучаютъ наши босыя, израненныя ноги; но мы не можемъ отказываться, въ противномъ случаѣ наши проводники подумаютъ, что мы трусимъ. Всѣ, лишенные лѣсовъ холмы, окружающіе водопадъ, покрыты вооруженными воинами озіеба; но на нихъ нѣтъ воинственныхъ атрибутовъ и держатся они мирно, хотя и недовѣрчиво. Въ девять часовъ начинается перевозка сухимъ путемъ пирога и вещей, а въ два часа мы продолжаемъ путь, оставляя за собою водопадъ Боуэ. Черезъ полторы мили опять начинаются пороги и принуждаютъ насъ придерживаться берега, на которомъ

¹⁾ Эти фотографіи, какъ извѣстно, не удались.

собрались озіеба въ значительномъ количествѣ; мы хотимъ перего-
ворить съ ними; но они дѣлаютъ намъ знаки не подѣзжать. Мы
дѣлаемъ девять миль, постоянно на-сторожѣ, но, къ счастью, опа-
сенія нападенія не оправдались.

9 марта. Мы отправляемся съ разсвѣтомъ; постоянно приходится
тянуть лодки бичевою. Теперь берега покрыты лѣсами, въ которыхъ
озіеба развели многочисленныя плантаціи. Близъ одной изъ дере-
вень, они призываютъ насъ; мы останавливаемся внѣ ружейнаго вы-
стрѣла, и они кричатъ намъ, что мы попадемъ въ засаду въ одномъ
затруднительномъ переходѣ. Воины озіеба дѣйствительно находят-
ся въ указанномъ мѣстѣ, но, вмѣсто того чтобы нападать на насъ,
предлагаютъ купить куръ. Маршъ и я выходимъ, пожимаемъ
имъ руки, покупаемъ очень дорого все предлагаемое намъ и дѣ-
лаемъ имъ подарки. Вообще все обошлось очень мирно и спо-
койно; постоянныя предостереженія со стороны людей, сговоривших-
ся между собою, имѣютъ цѣлю напугать насъ и заставить вернуться
вспять; но никто изъ насъ не желаетъ поддаваться на эту уловку.
Вечеромъ мы останавливаемся на большомъ песчаномъ островѣ;
оканда безъ ума отъ радости; теперь, говорятъ они, пороговъ ужъ
больше не встрѣтится, озіеба не нападутъ на насъ; черезъ три или
четыре дня мы будемъ на мѣстѣ. Несносные пороги тянулись на раз-
стояніи ста десяти миль; теперь передъ нами широкая, спокойная
рѣка безъ утесовъ и острововъ. Легко понять, что и мы раздѣляемъ
радость нашихъ проводниковъ; я проболталъ всю ночь съ Маршемъ,
составляя прекрасныя проекты въ будущемъ. Увлекаясь, мы не замѣ-
чаемъ болѣе никакихъ преградъ и говоримъ о великихъ озерахъ,
открытыхъ Ливингстономъ, такъ, какъ будто мы сами уже добрались
до этихъ озеръ.

10 марта. Въ шесть часовъ утра наши проводники поѣхали съ
пѣснями. Маленькая флотилія мадума и озіебо опередила и спокой-
но ловила рыбу въ трехстахъ метрахъ отъ нашихъ пироговъ. Наши
шесть пироговъ слѣдовали одна за другою держась лѣваго берега; те-
ченіе было очень быстро, и гребцы хватались за вѣтви, свѣшивав-
шіяся надъ водою, и притягивали такимъ образомъ пироги. Одинъ
предводитель, прозванный нами «человѣкомъ въ маленькой шляпѣ»,
открывалъ шествіе, я слѣдовалъ за нимъ съ Ованга; Маршъ шелъ

послѣднимъ. Вдругъ изъ лѣсу раздаются два выстрѣла, направлены въ наши пироги. Легче представить себѣ, чѣмъ описать послѣдовавшее затѣмъ смятеніе: половина нашихъ людей бросилась въ воду, лодки столкнулись, а изъ лѣсу непрерывно раздавались выстрѣлы. Къ довершенію несчастія, наша пирога садится на мель. Ованга, внѣ себя отъ страха, жестикулируетъ, кричитъ и всячески кривляется; я принужденъ приставить ему къ носу револьверъ и заставить лечь плашмя на дно пирога, причемъ для большей увѣренности, становлюсь ногою на спину. Къ счастью, озіеба, послѣ такого геройскаго нападенія, убѣжали, и мы кое-какъ добрались до острова, на которомъ и провели ночь. Когда миновалъ первый моментъ паники, начали считать людей; мы находимъ шесть человѣкъ опасно ранеными кусочками желѣза, которыми озіеба заряжаютъ свои ружья. Пока имъ вытаскиваютъ пули, безцеремонно всовывая пальцы въ раны, предводители держатъ военный совѣтъ. Великій фетишеръ, лицо вліятельное, не лишень нѣкоторой отваги; дѣло касается его репутаціи, такъ какъ онъ предсказалъ счастливый исходъ предпріятія: онъ одобряетъ воинствъ. Мы, съ своей стороны, раскупорили два боченка пороха и роздали водки и кусочки свинца. Тщетно стонутъ раненые самымъ ужаснымъ образомъ, напрасно человѣкъ въ маленькой шляпѣ, потерявшій пятерыхъ воиновъ изъ восемнадцати, протестуетъ съ нѣсколькими болѣе робкими, мы всетаки рѣшили пробить себѣ дорогу. Каждый заранѣе восхваляетъ свои будущіе подвиги. Фетишеръ натираетъ лобъ каждаго воина какимъ-то чернымъ порошкомъ, раздаетъ талисманы, послѣ чего всѣ черные, съ вѣтвями въ рукахъ, торжественно прикасаются къ знаменитому фетишу съ колокольчикомъ и костями обезьяны; наконецъ отправляемся дальше. Раненые положены или, скорѣе, брошены на дно пирога подъ палящими лучами солнца. Мы дѣлаемъ четыре мили по направленію къ югу, придерживаясь середины рѣки, и достигаемъ большой рѣки Ивиндо, въ этомъ мѣстѣ, столь-же значительной какъ Огоуэ, повидимому, и раздѣляющейся на двѣ вѣтви одинаковой ширины. На этой рѣкѣ Ивиндо, по словамъ оканда, есть быстрые пороги и водопады не меньше водопада Боуэ; послѣ нѣсколькихъ дней пути по Ивиндо, являются очень большія озера. Къ сожалѣнію, оба ея берега населены озіеба. При устьѣ Ивиндо на-

ходится островъ, покрытый утесами, на которомъ мы останавливаемся для приготовления завтрака. Вдругъ на обоихъ берегахъ Ивиндо и на лѣвомъ Огоуэ раздается воинственный крикъ озіеба, которые показываются массами, крича и стрѣля въ насъ со всѣхъ сторонъ. Маршъ задѣтъ въ руку маленькимъ осколкомъ мѣди, но, къ счастью, его лишь слегка контузило. Борьба продолжалась часъ; обѣ стороны перебранивались и проклинали другъ друга, какъ герои Гомера; но пока мы съ Маршемъ показывали дикарямъ невиданное ими дѣйствіе разрывныхъ пуль, пока наши воины усердно перестрѣливались,—предводители совѣщались подъ защитою утесовъ, и единогласно рѣшили бѣжать какъ можно скорѣе. Н'Дунду, дрожа отъ страха, пришелъ сообщить намъ объ ихъ намѣреніи. Просьбы, брань, обѣщанія, угрозы—ничто не помогало; мы плакали отъ досады, видя, какъ въ одну минуту уничтожались двухлѣтніе наши труды, сопряженные съ страданіями и лишеніями. Но необходимо было уступить, и притомъ какъ можно скорѣе: иначе насъ покинули бы на островѣ; оканда уже начали бросать свои бананы, палатки отъ москитовъ и проч. Мы должны были вмѣшаться съ револьверами въ рукахъ, чтобы помѣшать имъ выкидывать за бортъ наши лица. Когда паническій страхъ овладѣваетъ этими людьми, они становятся дикарями въ полномъ смыслѣ этого слова. Тогда мы начали отступать или, скорѣе, обратились въ отчаянное бѣгство черезъ пороги Огоуэ, подъ непріятельскимъ огнемъ.

Озіеба, при видѣ нашего бѣгства, огласили воздухъ побѣдоносными криками и сдѣлали по насъ генеральный залпъ, который, къ счастью, никого не задѣлъ. Они, безъ сомнѣнія, долго колебались, долго приноравливались, прежде чѣмъ напасть на оканда, потому что съ оканда были двое бѣлыхъ, которыхъ эти дикари считаютъ чуть-ли не божествами. Но первая удача наэкзальтировала тѣхъ самыхъ людей, которые указывали намъ на засады и старались выразить намъ свою благосклонность, когда мы подымались по рѣкѣ. Наиболѣе услужливые неистовствовали больше всѣхъ. Когда мы проѣзжали мимо ихъ плантацій, ружейные выстрѣлы раздавались въ высокой травѣ, за утесами и на вершинахъ деревьевъ.

Наши проводники были объяты глубокимъ ужасомъ. Король оканда дурилъ до такой степени, что я принужденъ былъ положить его на

дно лодки и наступить ему ногою на спину. Гребцы, налегши на весла и заставляя летѣть пироги, гребли прямо противъ себя, придерживаясь середины рѣки. Такимъ образомъ мы достигли пороговъ, по которымъ начали спускаться съ головокружительной быстротою. Надо приписать чуду, что мы не разбились въ дребезги, прыгая по утесамъ. Я не смотрѣлъ впередъ; съ ружьемъ въ рукѣ я отыскивалъ глазами въ густомъ лѣсу засады, или по крайней мѣрѣ кого-нибудь изъ враговъ, чтобы заставить его дорого заплатить за наше бѣгство. Мы уже давно не встрѣчали озіеба. Вдругъ наши гребцы отчаянно вскрикнули. Я машинально заглянулъ впередъ и сразу понялъ всю опасность. На этотъ разъ я думалъ, что настала мой послѣдній часъ. Мы были на вершинѣ водопада Боуэ, къ которому наши пироги влекло съ страшной быстротою; еще нѣсколько секундъ, — и мы упали бы въ пропасть. Отчаяннымъ усиліемъ ѣхавшіе позади оканда толкнули нашу лодку къ берегу, и она засѣла между двумя большими утесами. Мы находились въ двадцати метрахъ отъ берега, гдѣ, по счастливой случайности, не сидѣли въ засадѣ озіеба. «Теперь, сказалъ мнѣ одинъ оканда, по имени Орега, вы должны выйти изъ пироги и по камнямъ добраться до берега». Камней было много и притомъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга; для человѣка ловкаго и сильнаго перебраться по нимъ было дѣломъ весьма возможнымъ; но для больнаго, отъ природы неловкаго, съ босыми ногами и истощеннаго страданіями—это значило идти на вѣрную смерть.—«Невозможно!» вскричалъ я—«Тѣмъ не менѣе это необходимо», отвѣчали всѣ оканда. Дѣйствительно, необходимость была очевидна, и я рѣшился попытаться. Теперь я съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ нѣкоторые изъ моихъ проводниковъ выказали въ эту минуту истинное самоотверженіе. Уцѣпившись другъ за друга и держась въ водѣ по поясъ, они образовали изъ себя родъ цѣпи, чтобы помочь мнѣ преодолѣть опасность. Сначала все шло хорошо, но на серединѣ дороги едва успѣлъ поставить ногу на одинъ большой камень, какъ онъ скользнулъ подо мною, я оступился и упалъ въ воду. Помогавшій мнѣ оканда поймалъ меня за ногу, но въ теченіи нѣсколькихъ минутъ я висѣлъ надъ пропастью, головою внизъ. Мой проводникъ, самъ не имѣя твердой точки опоры, закричалъ о помощи: двое оканда подоспѣли вовремя, и меня вытащили; какъ это случилось, я и самъ хорошенько не

знаю, потому что, захлебнувшись водою, находился въ безсознательномъ состояніи между тѣмъ моментомъ, когда упалъ, и тѣмъ, когда меня вытащили на землю. Когда я былъ въ безопасности на берегу, оканда высвободили пирогу изъ утесовъ и пустили ее, конечно пустую, на водопадъ. Лодка была такъ прочна, что выдержала это испытаніе. Она спустилась, не разбившись и получивъ лишь ничтожныя поврежденія. Великій фетишеръ и одинъ предводитель оканда были не такъ счастливы, какъ мы: у обоихъ лодки разбились въ водопадѣ Боуэ. Потерпѣвшихъ крушеніе посадили въ нашу пирогу. Если бы озіеба напали на насъ въ этомъ мѣстѣ, то безъ всякаго сомнѣнія истребили-бы всѣхъ насъ, до послѣдняго человѣка.

Всѣ эти происшествія отняли не мало времени. Одна только пирога Марша, еще при самомъ отъѣздѣ плывшая впереди насъ, не такъ запоздала и держалась почти на три километра дальше насъ. Мы не видали ее бѣольшую часть дня.

Начиная съ Боуэ, непріятельскій огонь понемногу прекратился; лишь по временамъ раздавались съ береговъ одиночныя выстрѣлы. Мы уже приближались къ рѣкѣ Офуэ, слѣдовательно къ границѣ страны оканда, какъ вдругъ, въ нѣкоторомъ разстояніи передъ нами, я услышалъ частую ружейную стрѣльбу. Это очень обезпокоило меня и я поторопиль гребцовъ. Минуть черезъ двадцать мы увидѣли пирогу Марша, причалившую къ маленькому острову, по срединѣ Огоуэ; люди, ѣхавшіе на ней, были на берегу, и по-видимому окончательно взбѣсились: они плясали, кричали, прыгали, разряжали ружья въ воздухъ и обнимали другъ друга, хохоча во все горло. Одинъ изъ нихъ, стоя по поясъ въ водѣ, снялъ французскій флагъ, развивавшійся на носу пироги, и махалъ имъ надъ головою, съ неистовыми гримасами и кривляніями. «Ради Бога! закричалъ я Маршу, который, опершись на ружье, стоялъ съ спокойной миною, среди этой бѣшеной толпы,—что все это означаетъ»? Прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить,—оканда, угадавшіе, вѣроятно, смыслъ моего вопроса, закричали хоромъ: «О танган'айони озіеба, ацуе айони озіеба, озіеба ніенгэ» (бѣлый убилъ озіеба, мы убили озіеба, много озіеба)! Посреди этой суматохи мнѣ стоило большаго труда узнать отъ моего друга въ чемъ дѣло. Въ нѣкоторомъ разстояніи выше того мѣста, гдѣ мы находились въ данную минуту, гребцы Марша замѣтили два плота, привязанные къ

правому берегу. Озіеба, не умѣющіе строить пироги, употребляютъ эти плоты, какъ единственный способъ переправы черезъ Огоуэ. Такъ какъ по сосѣдству не было ни плантацій, ни деревни озіеба, то оканда, къ которымъ возвратилось прежнее хладнокровіе, послѣ того какъ по нимъ перестали стрѣлять, заключили, что озіеба, приплывшіе на этихъ плотяхъ, засѣли за прибрежными кустами и выжидаютъ насъ. Маршъ, Н'Дунду и десять или одиннадцать воиновъ изъ ихъ пироговъ рѣшились тотчасъ-же сами поймать непріятеля. Они осторожно высадились на берегъ и, сдѣлавъ довольно длинный обходъ, напали на озіеба, которыхъ было человѣкъ двадцать; непріятели, выслѣживая рѣку, не замѣтили ихъ прихода. Зять Н'Дунду первый замѣтилъ ихъ и убилъ одного почти въ упоръ. Застигнутые врасплохъ озіеба бросили кустарники, въ которыхъ скрывались, и побѣжали на лугъ; но Маршъ съ проводниками отрѣзали отступление, послѣ чего имъ не оставалось другаго спасенія, какъ спрятаться за большіе, разсѣянные въ томъ мѣстѣ камни; они очевидно рѣшились дорого продать свою жизнь. Впрочемъ, это убѣжище плохо защищало ихъ; Маршъ находился въ сорока метрахъ отъ бѣглецовъ, т. е. внѣ выстрѣла ихъ кремневыхъ ружей. Онъ прицѣлился въ одного, который въ свою очередь собирался стрѣлять по нему, и поразилъ его разрывной пулею прямо въ грудь. Товарищи убитаго, пораженные ужасомъ, не двигались съ мѣста, и мой другъ могъ истребить ихъ всѣхъ поодиночкѣ безъ всякаго сопротивленія; но ни я, ни Маршъ не отличаемся кровожадностью, и потому онъ не захотѣлъ бездолезно проливать крови озіеба. Къ большому неудовольствію своихъ спутниковъ, онъ перекинулъ ружье черезъ плечо и крикнулъ людоѣдамъ по мпонгвейски, сопровождая свои слова выразительнымъ жестомъ: «*Кандагани*!» (Уходите!) Тогда произошло необыкновенное явленіе, доказывающее нравственное могущество цивилизованнаго человѣка надъ дикаремъ: эти отчаянные людоѣды, собиравшіеся самымъ низкимъ образомъ поймать насъ въ засаду, не отличающіеся ничѣмъ другимъ, кромѣ коварства и вѣроломства, повѣрили бѣлому на слово; они оставили свое убѣжище и прошли въ двадцати метрахъ отъ Марша. Мало того: когда двое изъ нихъ остались за камнями, двое другихъ отыскали ихъ и заставили идти вмѣстѣ. Этотъ случай от-

части поднялъ насъ во мѣнѣи оканда; только они были неутѣшны, почему Маршъ не убилъ больше озіеба.

Ночью мы прибыли къ рѣкѣ Офуэ; находясь теперь въ безопасности отъ всякихъ нападеній, мы остановились отдохнуть у подошвы холмовъ Джико. Наши гребцы сильно утомились, да и было отчего: менѣе чѣмъ въ одиннадцать часовъ мы проѣхали внизъ по рѣкѣ болѣе ста пятидесяти километровъ; для поднятія по рѣкѣ на такое-же разстояніе мы употребляли цѣлую недѣлю. На другой день, 11 марта, съ разсвѣтомъ мы пустились въ путь, и черезъ два часа достигли первой деревни оканда. Здѣсь начались потрясающія сцены, которыя продолжались вплоть до Лопеца. Слухъ о нашихъ несчастіяхъ уже разнесся повсюду съ тою быстротою, съ какою всегда распространяются дурные слухи; ихъ разнесли нѣсколько человѣкъ, которые ночью покинули нашъ лагерь и вернулись домой пѣшкомъ. Передъ каждой деревнею собиралась густая толпа, состоявшая преимущественно изъ женщинъ и дѣтей: среди нихъ господствовало глубокое отчаяніе. Передъ тѣми изъ деревень, въ которыхъ жили наши раненые, мы останавливались и выносили ихъ на берегъ. Бѣдные оканда, растерзанные кусочками желѣза, которыми стрѣляли озіеба, пролежавъ цѣлый день наканунѣ подъ палящими лучами солнца, переживали послѣднія минуты жизни. Мнѣ рѣдко случалось видѣть что-нибудь трогательнѣе скорби ихъ матерей, женъ и сестеръ въ тотъ моментъ, когда выносили изъ пирогъ бѣдныхъ раненыхъ. Несчастныя женщины кричали, стонали, катались по песку, и, осыпая насъ бранью, кидали въ насъ грязью и обвиняли въ томъ, что мы повели ихъ мужей на убой. Наши оканда, надо отдать имъ справедливость, употребляли всевозможное, чтобы заставить ихъ молчать. «Замолчите, кричали они, не обвиняйте бѣлыхъ; они одни только сражались какъ мужчины, а мы всѣ трусили, какъ женщины». Въ одной деревнѣ, гдѣ мы оставили трехъ раненыхъ, вой и брань женщинъ до того усилились, что наши проводники схватились за палки, чтобы заставить ихъ притихнуть; но мы остановили ихъ. Эти бѣдныя женщины въ сущности были правы: безъ нашего вмѣшательства, оканда остались бы дома, и избѣгли бѣды. Съ нами ѣхали двадцать четыре воина, изъ которыхъ всего двое были ранены, а большая часть выстрѣловъ озіеба,

по странной случайности, попадала въ беззащитныхъ гребцовъ, изъ которыхъ многіе были еще дѣти.

Мы прибыли въ Лопецъ лишь къ десяти часамъ утра, гдѣ старшій Шико, нашъ хозяинъ Баили и его жены встрѣтили насъ съ выраженіями живѣйшей радости. Наше нравственное состояніе было таково, что пріемъ этихъ негровъ, далеко не изъятый отъ матеріальныхъ интересовъ для большей части изъ нихъ, тронулъ насъ до слезъ. Въ четыре часа мы роздали порядочную порцію рому Н'Дунду, Ованга, Орега и всѣмъ нашимъ товарищамъ по путешествію и неудачамъ; во время попойки, они начали плясать, кричать и всячески выражать радость: это произошло оттого что мы, послѣ крайняго утомленія, забыли разбавить водою алугу, между тѣмъ какъ до сихъ поръ иначе не давали этого напитка оканда. Впрочемъ съ этого времени мы должны были отказаться разводить ромъ водою; всякій разъ какъ мы предлагали нашимъ проводникамъ такую смѣсь воды и рому, они съ презрѣніемъ отказывались, говоря: «Нѣтъ, не этого алугу мы хотимъ; ты дай намъ того, которымъ угощаль въ тотъ день, когда мы возвратились послѣ большого путешествія».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бѣдственное положеніе на обратномъ пути.

Новый жилецъ въ нашемъ домѣ.—Анатоль.—Онъ заболѣваетъ.—Огромныя препятствія къ возвращенію въ страну галлуасовъ.—Шико покупаетъ маленькаго невольника.—Жестокость новаго собственника.—Мы распоряжаемся въ этомъ случаѣ.—Г. Дюшалью и карлики обонго.—Міани и карлики акка.—Акка, привезенные докторомъ Швейнфуртомъ.—Акка, видѣнные М. Э. Марно и полковникомъ Лонгъ-Бэ.—Несомнѣнно, что въ центрѣ Африки существуетъ раса пигмеевъ.—Мы покупаемъ слоновую кость у бангунцевъ.—Смерть Анатоля.—Ованга нарушаетъ данное имъ слово.—Орега предлагаетъ проводить насъ.—Депутація схибэ.—Мы сжигаемъ наши корабли, т. е. бросаемъ нашу соль въ рѣку.—Большая сходка.—Сынъ короля Авеле.—Сильная тоска.—Моина приводитъ намъ восемнадцать гребцовъ.—Приготовленія къ отъѣзду. — Наши вещи переносятся въ лодку. — Всѣ гребцы покидаютъ насъ.—Отчаянное положеніе.—Наши угрозы имѣютъ успѣхъ.—Мы отправляемся съ шестнадцатью проводниками.—Новыя неприятности.—Мучительная ночь.—Самъ-Квита. Торжественный приемъ.—Буйный вечеръ.—Прибытіе въ факторію Аданлинанланго.

По возвращеніи въ Лопецъ мы нашли въ нашемъ домѣ новаго жильца. Шико съ очень довольнымъ видомъ представилъ намъ маленькое существо, правда, болѣе ласковое, чѣмъ красивое, но тѣмъ не менѣе очень развлекавшее насъ посреди разнаго рода неприятностей. Анатолю, — имъ, которымъ мы немедленно его окрестили, былъ ничто иное какъ сынъ старой гориллы, убитой бангунцами въ неболь-

шомъ разстояніи отъ нашего дома, за пятнадцать дней до нашего прїѣзда. Шико, извѣщенный о ея убіеніи и зная о нашемъ сильномъ желаніи пріобрѣсти тѣло гориллы, поспѣшилъ на мѣсто охоты. При его приходѣ бангунцы уже разрубили на куски свою жертву и готовились пріятно пообѣдать ею; однако Шико засталъ въ живыхъ дѣтеныша нѣина (гориллы), котораго сняли съ трупа матки; онъ купилъ его за двѣ щепотки соли, помѣстивъ въ нашемъ домѣ и ухаживалъ за нимъ съ отеческой заботливостью. Анатолю было не больше шести-семи мѣсяцевъ; это было маленькое, хилое созданіе, безпрестанно требовавшее, чтобы его ласкали и носили на рукахъ; когда его опускали на полъ, онъ плакалъ и кричалъ ¹⁾. Мы устроили для него маленькую кроватку въ отдѣленіи дома, назначенномъ для Шико и куръ; сшили ему хорошенькій плащъ изъ матеріи и одѣвали, какъ куклу; онъ ѣлъ съ хорошимъ аппетитомъ одинъ красный плодъ, росшій въ изобиліи въ той странѣ, и спалъ недурно; но тѣмъ не менѣе замѣтно худѣлъ и здоровье его, очевидно, ослабѣвало; это происходило отъ того, что бѣдный малютка былъ слишкомъ молодъ и нуждался въ уходѣ, въ которомъ мы вскорѣ принуждены были отказывать ему, такъ какъ занялись болѣе серьезными дѣлами. Приходилось сознаться, что въ день нашего бѣгства на Ивиндо, мы должны были навсегда проститься съ надеждою проникнуть далѣе въ глубь Африки. Никакія обѣщанія, никакіе подарки не заставили-бы оканда предпринять новую поѣздку; кромѣ того, при томъ болѣзненномъ состояніи и усталости, которую мы испытывали въ то время, ѣхать далѣе—значило-бы идти на вѣрную смерть; намъ оставалось одно: поскорѣ вернуться въ Габонъ и затѣмъ отправиться во Францію. Къ сожалѣнію, оканда не выражали ни малѣйшаго желанія провозить насъ въ Аданлинанланго: напуганные угрозами Реноке, который запретилъ имъ привозить насъ въ страну галлуасовъ, они боялись быть схваченными и проданными, какъ скотъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они очень были рады удержать у себя бѣлыхъ, благодаря которымъ у нихъ были въ изобиліи соль, бусы, та-

¹⁾ Г. Валькеръ и многіе негоціанты Габона, державшіе живыхъ гориллъ, замѣчали въ нихъ такую же кротость и потребность въ ласкахъ; хотя горилла г. Дюшалью, по его словамъ, была неукротимо свирѣпа.

бакъ, однимъ словомъ—всѣ предметы, необходимые для счастья ихъ жизни. А какъ безъ нихъ пройти черезъ страшные пороги? Мы прежде всего обратились къ Ованга, предложили ему прекрасный подарокъ и блестящія обѣщанія, если онъ проводитъ насъ къ галлуасамъ. Старый бездѣльникъ не отказался; напротивъ, онъ казался очарованнымъ честью проводить бѣлыхъ въ ихъ факторію; онъ просилъ только десять дней для отдыха и сбора людей, обѣщая въ новолуніе, т. е. черезъ десять дней, быть въ Лопецѣ готовымъ къ отъѣзду съ своими подданными. Въ этой просьбѣ нельзя было отказать; мы согласились на его условіе и расстались, заставивъ дать обѣщаніе быть аккуратнымъ. Въ ожиданіи мы запаслись терпѣніемъ; наша жизнь была не особенно весела, такъ какъ, по болѣзни, мы не вставали съ бамбуковыхъ кроватей, однако утѣшали себя надеждою, что десять дней и ойдутъ скоро; одна мысль о возвращеніи несказанно радовала насъ. Однажды утромъ Шико объявилъ намъ, что ему предлагаютъ купить маленькаго невольника; желаніе имѣть невольника ужъ давно лелѣяло самолюбіе Шико. «Господинъ, часто повторялъ онъ мнѣ, позволь купить мнѣ плѣнника на мой счетъ; моя жена будетъ такъ счастлива, когда я привезу его! Онъ будетъ намъ опорю въ старости, и станетъ работать, когда мы ослабѣемъ; кромѣ того, въ Габонѣ, имѣя невольника, я буду *бариномъ*». Сдѣлаться *бариномъ*—было мечтою Шико; и вотъ, сегодня утромъ, онъ, по его увѣренію, нашелъ, очень дешево, негритенка одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ, и умолялъ насъ позволить ему купить его. Мы согласились съ условіемъ, чтобы онъ далъ понять оканда, что невольникъ покупался для него, а не для насъ; чтобы онъ обходился съ нимъ хорошо и отдалъ его на обученіе въ миссію; оставалось только поторговаться съ изинги (провожавшему насъ къ пагуинцамъ), которому принадлежалъ невольникъ; если они условятся въ цѣнѣ, то Шико долженъ былъ представить намъ списокъ предметовъ, необходимыхъ для уплаты, которые, конечно, будутъ вычтены у него изъ жалованья. Привели бѣднаго мальчика; онъ походилъ скорѣе на мертваго, чѣмъ на живаго, такъ какъ вообразилъ себѣ, что мы покупаемъ его для того, чтобы съѣсть; поэтому онъ былъ пораженъ, видя наше крайне вроткое съ нимъ обращеніе и получивъ нѣсколько банановъ, въ которыхъ, по видимому, очень нуждался. Торгъ про-

исходилъ при немъ; Шико и изинга напускались другъ на друга, точно бѣшенныя собаки: изинга всячески умалялъ достоинство товаровъ Шико, Шико доказывалъ недоброкачество неволь ика; наконецъ они остановились на слѣдующей цѣнѣ: одинъ боченокъ пороха (въ 4 фунта), двѣнадцать аршинъ матеріи, одинъ ножъ, красный шерстяной колпакъ, рубашка, мѣрка соли, мѣдный котелокъ и нѣсколько бусъ. Когда все эти вещи были уплачены изинга, онъ произнесъ знаменитое «амани» (кончено, торгъ заключенъ) и отдалъ взаменъ товаровъ мальчика, которому не сказалъ ни слова на прощанье. Шико торжествовалъ; онъ взялъ своего невольника подъ руку и накрѣпко заперъ его въ своей комнатѣ; затѣмъ онъ поспѣшно отправился въ лѣсъ. Вскорѣ онъ возвратился, неся огромный деревянный чурбанъ съ отверстіемъ, называемый мпала, въ который вставляютъ ногу невольника, съ цѣлю воспрепятствовать его побѣгу; невольникъ такъ прочно стягивается этимъ инструментомъ, что потомъ, для его освобожденія, приходится распиливать мпала; кромѣ того, мпала, при продолжительной носкѣ, обдираетъ кожу на ногѣ и причиняетъ сильныя страданія.—Что ты хочешь дѣлать съ этимъ кускомъ дерева? закричали мы Шико издали.—«Отецъ мой, это для мальчика». — Какъ, негодяй, ты христіанинъ и хочешь надѣть на ногу ребенка чурбанъ, который едва подъ силу взрослому человѣку?—«Но, отецъ мой, если мальчикъ убѣжитъ, я разоренъ!»—Очень можетъ быть; но если только ты осмѣлишься надѣть ему чурбанъ на ноги, или какимъ-нибудь образомъ мучить его, то самъ заплатишься за это жизнью. Шико зналъ, что мы уже давно не были въ шутливомъ расположеніи духа; поэтому онъ попросилъ у насъ прощенія и ограничился тѣмъ, что не отходилъ отъ своего *малотки* ни днемъ, ни ночью; впрочемъ бѣдняжка не имѣлъ никакого желанія убѣгать; мы его хорошо кормили, дѣлали ему маленькіе подарки, и онъ скоро понялъ, что у насъ гораздо лучше, чѣмъ у его прежнихъ хозяевъ.

Г. Вальверъ, при нашемъ отъѣздѣ изъ Аданлинанланго, заявилъ намъ, что, по указаніямъ черныхъ, недалеко отъ первой деревни оканда (Обомби) живетъ одно племя карликовъ; г. Дюшалью пишетъ, что онъ встрѣтилъ такихъ карликовъ въ странѣ Асханго. Признаюсь, мы не очень вѣрили въ существованіе этихъ карликовъ, кото-

рыхъ, по словамъ американскаго путешественника, туземцы называютъ обонго. Г. Дюшалью, отчасти искажая дѣйствительность, много повредилъ этимъ себѣ: всякій разъ, когда въ его разсказахъ встрѣчается что нибудь неслыханное, читатель или путешественникъ прежде всего усумнится въ справедливости разсказа. Поэтому и мы полагали, что карлики обонго существуютъ лишь въ воображеніи г. Дюшалью; а можетъ быть, увидѣвъ двухъ или трехъ очень малорослыхъ негровъ, какіе не рѣдки между черными, какъ и между бѣлыми, онъ изъ этихъ нѣсколькихъ экземпляровъ составилъ цѣлый народъ; тѣмъ не менѣе, для успокоенія совѣсти, мы разспросили Орега и другихъ оканда, не живетъ-ли близъ Обомби или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ народъ очень маленькаго роста. Орега и его соотечественники отвѣчали, что мы, конечно, шутимъ; что всѣ племена сходны между собою, и они никогда не слыхивали о существованіи описываемыхъ нами людей. Мы не настаивали и остались при томъ убѣжденіи, что г. Дюшалью и на этотъ разъ далъ волю своей фантазіи. Впрочемъ, говоря безпристрастно, обонга дѣйствительно существуютъ; они образуютъ особую расу, по всей вѣроятности, вродѣ древнихъ пигмеевъ Геродота, и г. Дюшалью точно описалъ ихъ, исключая одной подробности, именно шерсти, которою они будто-бы покрыты. Я думаю, для читателя не лишены будутъ интереса нѣкоторыя подробности относительно этихъ странныхъ существъ, которыхъ два экземпляра недавно были привезены живыми въ Египетъ и даже въ Италію.

Г. Дюшалью въ первый разъ встрѣтилъ деревни карликовъ въ странѣ Асханго ($1^{\circ} 58'$ ю. шир. и $11^{\circ} 56'$ с. долготы). Они ходили совсѣмъ почти нагіе, жили въ хижинахъ изъ листьевъ и питались кореньями или животными, пойманными въ капканы; они были очень дики и разбѣжались при появленіи г. Дюшалью въ ихъ деревню; г. Дюшалью удалось только поймать одну старуху и приручить ее подарками. Карлица, пораженная великолѣпными, въ ея глазахъ, подарками бѣлаго, немного успокоила своихъ соотечественницъ, и г. Дюшалью могъ видѣть вблизи женщинъ, дѣтей и даже одного юношу обонго. Цвѣтъ кожи обонго грязно-желтый, свѣтлѣе чѣмъ у ихъ сосѣдей, асханго. Волосы у нихъ растутъ маленькими курчавыми пучками. У юноши, видѣннаго г. Дюшалью, на груди и ногахъ была

шерсть также въ видѣ курчавыхъ пучковъ, какъ и на головѣ. Всѣ асханго, говоритъ онъ, согласно описываютъ этихъ маленькихъ дикарей сплошь покрытыми шерстью; на обратомъ пути въ страну Асханго, этотъ путешественникъ, по его словамъ, самъ встрѣчалъ обонго мужескаго пола, и замѣтилъ на нихъ курчавую шерсть, хотя они и не подпускали къ себѣ близко. «Обонго, продолжаетъ г. Дюшалью, народъ вполне кочевой; онъ мѣняетъ мѣсто, лишь только дичь начинаетъ рѣдѣть, и заходитъ къ востоку такъ далеко, какъ только простираются географическія познанія асханго».—Они распространяются даже гораздо дальше, чѣмъ г. Дюшалью могъ предполагать; Джованни Міани, этотъ малоизвѣстный мученикъ науки, встрѣтилъ болѣе чѣмъ въ пятистахъ миляхъ къ востоку отъ страны Асханго карликовъ акка, называемыхъ этимъ именемъ туземцами мабонго; эти карлики, очевидно, принадлежатъ къ расѣ обонго. Когда бѣдны Міани, возвратившись изъ своего путешествія, заговорилъ объ этомъ народѣ карликовъ, ему не повѣрили, полагая, что онъ не видѣлъ никакихъ карликовъ, какъ отвергали и то, что онъ доходилъ до крайняго пункта въ центрѣ Африки, гдѣ, спустя семь или восемь лѣтъ, сиръ Бакеръ нашелъ его имя, вырѣзанное на корѣ одного баобаба. Въ этой послѣдней экспедиціи, когда Міани, огорченный, возвратился въ Африку и, безъ всякихъ средствъ и поддержки, добрался туда, гдѣ не бывалъ ни одинъ бѣлый, ему удалось приобрести двухъ акка; они были еще при немъ, когда смерть застала его на египетской границѣ ¹⁾). Оба акка были взяты со всѣмъ, что оста-

¹⁾ Міани умеръ послѣ двухлѣтнихъ лишеній, страданій и безчисленныхъ опасностей, достигнувъ границы цивилизованнаго міра и имѣя въ рукахъ доказательства, которыя должны были пристыдить его клеветниковъ. Одинъ изъ весьма значительныхъ членовъ итальянскаго географическаго общества недавно рассказалъ мнѣ о послѣднихъ минутахъ Міани. Я не слышалъ рассказа болѣе трогательнаго. Чувствуя близость смерти, Міани приказалъ одному изъ сопровождавшихъ его людей вырыть себѣ могилу; затѣмъ, дрожащею рукою, онъ написалъ въ своемъ путевомъ дневникѣ нѣсколько словъ, которыя мы могли видѣть, благодаря доктору Швейнфурту: «Я пишу съ большимъ трудомъ.... Я приготовилъ для себя могилу.... Прощай Италія, за свободу которой я нѣкогда сражался.... Прощайте всѣ мои мечты, которыхъ осуществленіе мнѣ предстояло увидѣть....» Его проводники цѣловали у него руки, говоря: «Да сохранитъ

лось послѣ Міани, докторомъ Швейнфуртомъ, который привезъ акка въ Каиръ, а оттуда ихъ отправили въ римское географическое общество; они и теперь еще живы, и докторъ Швейнфуртъ принялъ на себя уходъ за ними. Австрійскій путешественникъ Э. Марно имѣлъ случай видѣть двухъ женщинъ акка, или тики-тиги,—этимъ послѣднимъ именемъ они называютъ себя въ западной части траны Ніамъ-Ніамъ. Первая изъ этихъ женщинъ была дѣвочка одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ, отличавшаяся чрезвычайно сильной выпуклостью нижней части живота; вторая, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, была уже матерью; она была убѣждена, что г. Марно покупалъ ее для того, чтобы съѣсть; поэтому она кричала самымъ раздирающимъ образомъ. Бусы и матерія вскорѣ успокоили ее; она начала играть и хохотать съ дѣвочкою ея расы; обѣ онѣ очень скоро понимали все, чему ихъ учили, были очень послушны и веселы. Наконецъ еще одинъ путешественникъ, полковникъ Шалье-Лонгъ-Бэ, недавно произведшій превосходныя изслѣдованія въ центрѣ Африки, также видѣлъ акка и даже фотографировалъ ихъ. И такъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что во внутренней части Африки существуетъ многочисленное племя пигмеевъ, занимающее пространство въ нѣсколько сотъ лѣ.

Возвратимся къ разсказу о нашихъ собственныхъ приключеніяхъ; читатель, вѣроятно, извинитъ насъ за длинное отступленіе, въ виду большаго интереса изложеннаго предмета.

Такъ какъ у насъ было еще нѣкоторое количество испорченныхъ товаровъ, которые не представлялось возможности продать на обратномъ пути въ факторію, то мы рѣшили промѣнять ихъ на слоновую кость. Это не трудно было сдѣлать, такъ какъ бангуэнцы часто извѣщали насъ, что у нихъ есть отличные клыки; по этому случаю мы обратились къ одному старому бангуэнскому предводителю; жена его, франтиха съ прическою въ видѣ лошадиной гривы и съ очень красивымъ рисункомъ на животѣ, была, какъ я полагаю, предметомъ ухаживаній волокоты Шико. Предводитель отлично говорилъ по мпюнгвейски; онъ всегда оказывалъ намъ искреннюю дружбу, любилъ нашъ

васъ Аллахъ еще надолго среди насъ, господинъ». Онъ благословилъ ихъ движеніемъ руки, и испустилъ послѣдній вздохъ.

ромъ и табакъ, и въ данномъ случаѣ съ удовольствіемъ принялъ на себя роль посредника, желая, по его увѣренію, засвидѣтельствовать свою признательность за наши благодѣянія (другими словами: желая получить хорошую награду); при этомъ онъ совѣтывалъ намъ хранить глубокую тайну: «Оканда, сказалъ онъ, ничего не должны знать объ этомъ дѣлѣ; послѣзавтра я приведу къ вамъ владѣльцевъ клыковъ; они принесутъ съ собою слоновую кость, и мы устроимся семейнымъ образомъ». На другой день, съ разсвѣтомъ, дѣйствительно въ нашъ домъ таинственно пробрались пять человѣкъ и усѣлись на наши ящики; это были: старый предводитель, три его пріятеля и молодая дѣвушка, исполнявшая должность носильщицы; одинъ бангуэнецъ тотчасъ-же вынулъ слоновый клыкъ, тщательно обернутый травой и листьями банана. Не имѣя вѣсовъ, мы принуждены были опредѣлять вѣсъ слоновой кости, взвѣшивая на рукѣ; но вслѣдствіе крайняго истощенія нашихъ силъ, клыкъ показался намъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности; мы опредѣлили его въ тридцать фунтовъ, между тѣмъ какъ въ немъ было не болѣе четырнадцати. Когда дѣло коснулось цѣны, то мы тотчасъ увидѣли, что имѣемъ дѣло съ опытными купцами. Одинъ изъ нихъ всталъ и произнесъ длинную рѣчь, объясняя, что онъ не оканда (т. е. не дуракъ), что онъ отлично знаетъ цѣны на слоновую кость и самъ много разъ продавалъ ее въ Габонѣ (это была чистѣйшая ложь); наконецъ онъ потребовалъ цѣну въ четыре раза больше той, которую мы хотѣли предложить. Мы рѣшительно отказались; тогда предводитель предложилъ новыя условія, и мы проспорили до половины перваго; наконецъ въ часъ торгъ былъ заключенъ: мы должны были заплатить одно ружье, два боченка пороха (испорченнаго), три мѣдныхъ котелка, двѣ рубашки, два ножа, восемь кусковъ матеріи, два мѣдныхъ кольца, ружейныхъ кремней, бусъ и соли. Впрочемъ покупка была еще довольно выгодна, такъ какъ стоила намъ всего сто франковъ. Однако скрыть эту сдѣлку отъ оканда оказалось невозможнымъ, и между ними и бангуэнцами произошло шумное совѣщаніе; впрочемъ, мы энергично поддержали нашихъ продавцовъ. Въ продолженіи трехъ послѣдующихъ дней, каждое утро бангуэнцы приносили намъ слоновый клыкъ почти одинаковой величины съ первымъ, который и покупали послѣ нескончаемыхъ споровъ.

Между тѣмъ наступилъ день полнолунія, т. е. срокъ, въ который, по условію съ Ованга, мы должны были отправиться въ факторію; однако ни король, ни его подданные не явились. Его деревня находилась въ семи или восьми мляхъ отъ Лопеца; мы отправили къ нему шесть пословъ, которые возвратились, говоря, что Ованга нѣтъ дома, но что онъ скоро прибудетъ къ намъ; лишь на третій день мы узнали, что онъ уѣхалъ въ страну Схибэ и не вернется раньше двухъ мѣсяцевъ; онъ, очевидно, насмѣялся надъ нами; мы очень разсердились, что, впрочемъ, ни къ чему не повело, и занялись отыскиваніемъ нѣсколькихъ вліятельныхъ оканда, которые бы въ состояніи собрать необходимое число людей для проводовъ насъ въ Адалинанланго. Одинъ изъ нашихъ сосѣдей, по имени Орега, предложилъ свои услуги, объявивъ, что черезъ пять дней соберетъ необходимое число людей для нашего путешествія и будетъ готовъ къ отъѣзду; мы знали, что Орега былъ интриганъ и негодяй первой руки, но тѣмъ не менѣе приняли его предложеніе, потому что онъ былъ уменъ, дѣятеленъ и болѣе всѣхъ другихъ способенъ, если только захочетъ, уладить какое нибудь предиріятіе. Кромѣ того, выбирать было не изъ чего; только вмѣсто задатковъ, которыхъ онъ требовалъ, мы ограничились выдачею ему, въ знакъ дружбы, нѣсколькихъ ничтожныхъ подарковъ. Орега съ такой самоувѣренностью утверждалъ, что черезъ пять дней, съ восходомъ солнца, выѣдемъ изъ Лопеца, что мы наконецъ повѣрили ему и начали приготовляться къ отъѣзду; условіе было сдѣлано 25 марта 1873 г.; слѣдовательно 30 число—былъ день, назначенный для отъѣзда. На другой день, 26-го, прибыла депутація схибэ, нарочно съ цѣлію видѣть насъ. Эти схибэ живутъ на значительномъ разстояніи отъ страны оканда, на берегахъ рѣки Офуэ, о которой я выше упоминалъ; они пришли въ числѣ восьми человекъ, почти совсѣмъ нагіе; вмѣсто всякихъ украшеній, у нихъ были на головахъ красные перья попугая. Они слывутъ за превосходныхъ музыкантовъ и танцоровъ, и немедленно по своемъ прибытіи устроили концертъ и танцы. Схибэ отличаются красивымъ сложеніемъ; это самый красивый изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною народовъ экваторіальной Африки; они извлекаютъ изъ своихъ инструментовъ, похожихъ на мандолну туземнаго издѣлія, весьма гармоническіе звуки, и пѣніе ихъ

несравненно разнообразіе и пріятіе для уха, чѣмъ у всѣхъ прочихъ негровъ этой мѣстности. Схибэ имѣютъ весьма симпатичную наружность; они очень желаютъ видѣть у себя бѣлыхъ, и я полагаю, что всякій изслѣдователь, въ случаѣ если озіеба загородятъ ему путь въ Огоуэ, сдѣлаетъ очень умно, поднявшись по Офуэ и продолжая затѣмъ путь съ проводниками схибэ. Мы дали нѣсколько подарковъ нашимъ гостямъ, и увѣрили ихъ, что дней черезъ двѣнадцать или пятнадцать бѣлые непременно посѣтятъ ихъ страну.

28 марта Шико съ отчаяніемъ объявилъ намъ, что на Орего нечего рассчитывать, что онъ сегодня утромъ уѣхалъ въ страну Бакалэ; наше положеніе становилось невыносимо; ноги мои были покрыты ранами, причинявшими невыносимыя страданія; не проходило дня, чтобы я и Маршъ не подвергались припадкамъ лихорадки съ сильными рвотами; мы условились приступить къ чему нибудь рѣшительному. Предъ дверью нашей хижины стоялъ большой боченокъ съ солью, всегда герметически закупоренный; подъ большимъ секретомъ, мы брали оттуда часть, необходимую для ежедневнаго употребленія, потому что не хотѣли обнаруживать передъ оканда довольно быстрого истощенія нашихъ богатствъ; въ настоящее время, чего туземцы впрочемъ не знали, бочка была пуста на двѣ трети; но всякій разъ, проходя мимо бочки, они останавливались и смотрѣли на нее съ жадностью нищихъ, видящихъ передъ собою сокровища, заключенныя въ лавкѣ ростовщика. Впрочемъ они постоянно пользовались нашею солью, такъ какъ каждое утро мы обмѣнивали ее на куръ, бананы, дрова и проч.; теперь для насъ было очевидно, что они не выпустятъ насъ до тѣхъ поръ, пока у насъ останется хотя одна щепотка этого драгоцѣннаго вещества. Надо было, во что бы то ни стало, воспрепятствовать ихъ намѣренію; мы собрали большую сходку въ Лопецъ на 30 марта; въ ночь на 29, около одиннадцати часовъ, когда всѣ въ деревнѣ спали, Маршъ и я поднялись; мы вынули изъ бочки и спрятали въ наши ящики остатокъ соли (ее было гораздо меньше, чѣмъ думали черные); затѣмъ, собравшись съ силами, подкатили бочку къ берегу Огоуэ и бросили въ воду. На другой день, рано утромъ, оканда собрались толпами; эти молодцы, не имѣющіе никакихъ занятій съ утра до вечера, встрѣчаютъ сходку какъ праздникъ, на которомъ могутъ показать свои ораторскія спо-

собности. Кромѣ того, они всегда надѣялись поживиться чѣмъ нибудь отъ насъ. И вотъ они собрались передъ дверью нашего дома, которую мы нарочно заперли. Вскорѣ мы услышали громкіе голоса, а затѣмъ и врки, раздавшіеся со всѣхъ сторонъ: «Изама, изама, эрэ муэ»? (Соль, соль, гдѣ она?) Въ эту минуту я открылъ настежъ дверь; я былъ почти нагой, съ цѣлю показать имъ мое исхудавшее тѣло и раны на ногахъ: «Изама эрэ гоаниго» (соль брошена въ воду), сказалъ я строгимъ голосомъ. Они заподозрили сначала какую нибудь хитрость съ нашей стороны; но слѣдъ отъ бочки, катившейся по направленію къ рѣкѣ, былъ еще свѣжъ на влажной почвѣ; съ минуту они молчали, какъ ошеломленные, затѣмъ, поднявъ руки вверхъ, разомъ начали кричать: «Нчани! Нчани!» (Позоръ! Позоръ!) Сожженіе министерства финансовъ коммунистами, конечно, не вызвало въ парижанахъ столь сильнаго взрыва негодованія, какъ уничтоженіе бочки соли въ этихъ неграхъ. «Оканда, сказалъ я имъ тогда, вы хотѣли удержать насъ плѣнниками у себя, потому что надѣялись получать нашу соль и товары, но блянусь Магонго,—я приложилъ мою правую руку къ лѣвому плечу ¹⁾,—съ сегодняшняго дня мы ничего не будемъ покупать у васъ, и скорѣе сожжемъ все, что у насъ осталось, нежели отдадимъ вамъ. Теперь, взгляните на меня! Я очень болѣнъ и скоро умру; что скажутъ тогда ваши сосѣди? Какую новость получатъ бѣлые?—Ту, что вы убили насъ; послѣ того ни одинъ бѣлый не ступитъ на вашу землю до тѣхъ поръ, пока ихъ предводитель не придетъ къ вамъ съ большими ружьями (нжали мполю), чтобы жестоко отмстить за нашу смерть. Оканда, если я умру у васъ, боги и люди нашлютъ на васъ страшныя бѣды.»—Эта рѣчь произвела чрезвычайное впечатлѣніе; въ сущности, оканда народъ не злой; кромѣ того, они отлично понимали, что должны отвѣтить за нашу жизнь. И вотъ они окружили меня, крича со всѣхъ сторонъ: «Нѣтъ, Компини, нѣтъ, не сердись, ты скоро поѣдешь въ твою землю, ты выздоровѣешь; мы не хотимъ, чтобы нашимъ бѣлымъ было дурно»,—«Хорошо!

---

¹⁾ Клятва Магонго у оканда соотвѣтствуетъ клятвѣ паріасси у кама, если, произнося эту клятву, сопровождать ее освященнымъ жестомъ, состоящимъ въ поднесеніи руки къ лѣвому плечу; это самая торжественная и страшная клятва у черныхъ.

отвѣчалъ я, подумайте, и примите необходимыя мѣры, чтобы все это кончилось, какъ можно скорѣе». Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ главныхъ предводителей не захотѣлъ присутствовать на сходкѣ, а изъ прибывшихъ никто не могъ принять начальство надъ экспедиціею; однако оканда стали держать совѣтъ и, послѣ трехчасоваго обдумыванія, одинъ изъ нихъ произнесъ слѣдующее: «По смерти нашего короля Авеле, нѣкоторые сильные вожди, каковы Ованга и Н'Дунду, раздѣлили между собою начальство надъ нашей страной; но Авеле оставилъ послѣ себя сына; его имя Моина; если ты уговоришь его принять надъ нами начальство и вести насъ въ странъ галлуасовъ, то мы готовы слѣдовать за нимъ». Мы, конечно, тотчасъ-же отправили пословъ къ сыну Авеле, и ося его немедленно явиться. Онъ пришелъ къ вечеру: въ теченіи двухъ часовъ мы говорили съ нимъ и обѣщали выдать ему въ Аданлинанланго такіе подарки, посредствомъ которыхъ онъ снова можетъ сдѣлаться вліятельнымъ вождемъ и приобрести власть своего покойнаго отца. Моина обѣщавъ исполнить всѣ наши желанія и просилъ недѣлю срока для сбора людей. Это была наша послѣдняя надежда; если Моина обманетъ насъ подобно другимъ предводителямъ или не въ состояніи будетъ исполнить принятаго обязательства, то мы не видѣли никакого другого выхода изъ нашего критическаго положенія. Время тянулось для насъ невыносимо долго. Анатолю, наше единственное развлеченіе, умеръ послѣ продолжительной болѣзни; мы сохранили его смертныя останки въ спиртѣ, но замѣтно чувствовали его отсутствіе. Я не вставалъ съ постели и не имѣлъ другихъ развлеченій, вромѣ изученія съ моимъ хозяиномъ Баили языка оканда; это языкъ довольно мелодичный и легко выучивается, если знать при этомъ мпонтвейскій, имѣющій съ нимъ много общаго; впрочемъ многія слова этого языка происходятъ изъ языка бориско, который очевидно служитъ также корнемъ для языковъ апинги и окота. Баили училъ меня съ большимъ усердіемъ; это былъ очень хорошій человѣкъ и преданный намъ во все время нашего пребыванія въ Лопецѣ; впрочемъ, въ день нашего отъѣзда онъ сдѣлалъ промахъ, обворовавъ насъ.

6-го числа, вечеромъ, мы радостно встрѣчали прибытіе Моина съ восемнадцатю оканда; ихъ жены несли бананы и другую провизію на дорогу и, по-видимому, охотно готовы были сопровождать насъ.

Мы условились завтра расплатиться за провизию, а послѣзавтра отправиться въ путь; мужчинамъ было назначено каждому по бочкѣ пороху (4 фунта), по ножу, шесть аршинъ матеріи и бусы; все это предполагалось уплатить до отъѣзда. Въ Аданлинанланго они должны были получить котель соли; это послѣднее вознагражденіе было для нихъ, конечно, неощѣнимо.

На другой день явился еще неизвѣстный намъ, великій фетишеръ; это былъ старикъ съ длинной сѣдой бородою, который своими заклинаніями хотѣлъ способствовать успѣху нашего предпріятія; ему, конечно, пришлось дать подарокъ. Къ намъ присоединились еще два ступника: одинъ былъ тотъ самый пзингэ, который сопровождалъ меня къ пагуинцамъ; мы приняли его съ удовольствіемъ, потому что онъ былъ очень толковъ и расторопенъ; другой спутникъ былъ зять Н'Дунду, убившій перваго озіеба въ день нашего бѣгства; это былъ пьяница и болтунъ, надѣлавшій намъ много неприятностей; поэтому мы приняли его не прежде, какъ послѣ настоятельныхъ просьбъ его товарищей. Вечеромъ всѣ проводники получили условленную плату и разставили свои палатки отъ москитовъ вокругъ нашего дома, съ цѣлію быть готовыми къ завтрашнему дню. Этотъ день, 9 февраля, положить, какъ мы полагали, конецъ нашимъ бѣдствіямъ; поэтому мы не могли сомкнуть глазъ всю ночь; при восходѣ солнца мы увидѣли толпы оканда, которые пришли, по ихъ словамъ, присутствовать при нашемъ отъѣздѣ. Большая пирога, назначенная для путешествія, была готова на берегу; въ нее тотчасъ-же начали переносить наши вещи; каждый усердно помогалъ нашимъ проводникамъ, и черезъ часъ все было уложено. Шико помѣстился въ пирогѣ съ своимъ маленькимъ невольникомъ и мы въ свою очередь готовы были садиться; но, къ нашему крайнему удивленію, не оказалось на мѣстѣ ни одного изъ нанятыхъ нами гребцовъ; Моина и зять Н'Дунду одни стояли у лодки; оба базались очень взволнованными. Мы спросили: «гдѣ-же остальные?»—намъ отвѣчали, что они исполняли послѣдній обрядъ передъ отъѣздомъ. Мы сѣли на песокъ въ ожиданіи ихъ прибытія; прошелъ часъ, затѣмъ другой; мы начинали терять терпѣніе; кромѣ того безпокойство Моина и его товарища доказывало намъ, что случилось что-нибудь необыкновенное. «Что все это значить? вдругъ закричалъ Маршъ, обращаясь къ Моина; ты долженъ сейчасъ-же объяснить намъ, иначе

отвѣтишь своей головою».—«Это значить, пролепеталъ Моина, что нанятые вами носильщики убѣжали и оканда говорятъ, что никто изъ нихъ не будетъ провожать васъ къ галлуасамъ, гдѣ съ ними дурно обойдутся и продадутъ ихъ». Сначала мы были поражены этой неожиданностью, уничтожавшей наши надежды въ ту минуту, когда мы считали ихъ осуществившимися; затѣмъ сильный гнѣвъ овладѣлъ нами. «Хорошо-же, сказали мы оба разомъ, если ужъ намъ придется здѣсь умереть, то мы умремъ не одни». Съ минуту мы совѣщались; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега былъ скалистый островокъ, на которомъ мы могли укрыться, какъ въ крѣпости. «Вотъ гдѣ мы будемъ жить теперь», вскричалъ я. Затѣмъ, обращаясь къ великому фетишеру, окруженному толпою черныхъ, я сказалъ: «огага и вы, оканда, слушайте: время переговоровъ прошло, насталъ часъ кроваваго боя. Если въ ту минуту, когда солнце будетъ на этой высотѣ (я указалъ на положеніе солнца, соответствующее приблизительно восьми съ половиною часамъ) къ намъ не явятся шестнадцать человѣкъ для управленія пирогами, мы объявляемъ войну оканда».—«Каждое утро, продолжалъ Маршъ, мы будемъ спускаться въ равнину и убивать всѣхъ, кого встрѣтимъ; вы знакомы съ ружьемъ, убившимъ озіеба; теперь я испробую его на васъ, если вамъ этого такъ хочется».—Маршъ могъ распространяться сколько ему было угодно, никто уже не слушалъ его; фетишеръ и оканда, мужчины, женщины и дѣти, подъ вліяніемъ сильной паники, разбѣжались кто-куда могъ, и мы остались одни вдвоемъ; я говорю вдвоемъ, потому что Шико и его невольникъ, спрятавшись на дно пирога, не подавали никакихъ признаковъ жизни. Тогда мы закинули карабины за плечи и, будучи увѣрены въ томъ, что оканда слѣдятъ за нами изъ за окружающихъ утесовъ, начали медленно прохаживаться по берегу, посматривая по временамъ на солнце и какъ-бы выжидая часа для начала войны. Минуть черезъ двадцать изъ-за одной скалы показалась голова великаго фетишера, который, очевидно, хотѣлъ переговорить съ нами, но очень опасался, чтобы мы, въ горячую минуту, не прошибли его пулею. Мы, не менѣе его, желали придти къ соглашенію; поэтому я отложилъ въ сторону карабинъ и направился къ старику безъ оружія. «Тангани, сказалъ онъ мнѣ, ты поразилъ ужасомъ мой народъ. Оканда готовы сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы не имѣть войны

съ вами; я сейчасъ приведу шестнадцать человѣкъ, которые поѣдутъ съ вами, куда вамъ будетъ угодно; но тѣ, которымъ вы заплатили, убѣждали очень далеко; тѣ-же, которые повезутъ ваши пироги, не могутъ работать даромъ: вы должны заплатить имъ тоже, что заплатили первымъ». — «Хорошо, отвѣчалъ я, мы принимаемъ, только не позволимъ обокрасть себя вторично. Пусть желающіе ѣхать съ нами явятся сюда съ ихъ женами; каждый изъ нихъ поочередно войдетъ въ нашу пирогу; мы немедленно выдадимъ ему или его женѣ плату, условленную для выд ачивпередъ; но разъ войдя въ пирогу и получивъ плату, онъ уже не ступитъ больше на берегъ, иначе будетъ убитъ нами». — Такимъ образомъ кончились наши переговоры. Десять минутъ спустя, оканда опять нахлынули толпами и къ намъ вышли четырнадцать охотниковъ ѣхать, не считая Монна и зятя Н'Дунду; мы тотчасъ замѣтили, что это было собраніе первѣйшихъ негодаевъ въ деревнѣ, впрочемъ не обратили на это особеннаго вниманія; все произошло такъ, какъ было условлено. Шико открылъ ящикъ съ товарами и, по мѣрѣ того какъ гребцы входили въ лодку, выдавалъ имъ по боченку пороху, по ножу, кусокъ матеріи и бусы; они большею частью тотчасъ-же передавали всѣ эти вещи своимъ женамъ. Маршъ и я стояли по сторонамъ лодки съ карабинами въ рукахъ, съ цѣлю помѣшать попыткѣ къ бѣгству; когда послѣдній гребецъ сѣлъ въ лодку и получилъ свою плату, мы вскочили туда же и дали знакъ отчаливать. Громкое «біамбіе» (прощай) раздавалось на берегу; мы, въ знакъ прощанія, замахали французскимъ флагомъ и, уносимые теченіемъ, начали спускаться внизъ по рѣкѣ съ головокружительной быстротою. Намъ казалось, что съ насъ свалилась огромная тяжесть. Въ продолженіи часа все шло хорошо; мы безпрепятственно прошли черезъ проходъ оканда и вскорѣ достигли послѣдней деревни этой страны. Было два часа съ половиною; наши люди, подобно намъ, ничего не ѣли въ этотъ день, и просили остановиться, чтобы позавтракать; это было весьма естественно, и мы причалили къ подножію небольшого холма, находившагося въ нѣс олькихъ стахъ метровъ отъ берега; начали разводить огонь и варить бананы, какъ вдругъ Шико указалъ намъ на двухъ гребцовъ, взбиравшихся на холмъ и удиравшихъ со всѣхъ ногъ; остальные закричали, что надо ихъ поймать; очевидно, они хотѣли сыграть съ нами штуку. Отчаяніе придало намъ силы, мы

загородили дорогу гребцамъ и прицѣлились въ нихъ, угрожая тотчасъ стрѣлять, если они не возвратятся немедленно въ пирогу; они безпрекословно повиновались, клянясь своими великими богами, что не имѣли другаго намѣренія, кромѣ желанія остановить бѣглецовъ. Маршъ созвалъ всѣхъ проводниковъ; недоставало только двухъ. Теперь, подумали мы, никто изъ нихъ ни подъ какимъ предлогомъ не выйдетъ на берегъ рѣки. Остановки для ночлега и ѣды будутъ происходить на песчаныхъ отмеляхъ, по срединѣ рѣки. Дѣйствительно, мы обѣдали и ночевали на песчаной отмели. Около восьми часовъ Шико, сильно обезпокоенный, пробрался въ нашу палатку: «Господа, сказалъ онъ, оканда хотятъ бѣжать сегодня ночью съ пирогами и бросить насъ на островѣ».—Будь покоенъ, Шико, отвѣчали мы, въ такомъ случаѣ имъ пришлось-бы прежде убить насъ.—Луна сіяла въ полномъ блескѣ; мы провели ногою черту на песокъ передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла пирога, затѣмъ призвали нашихъ проводниковъ. «Оканда, сказали мы, всю ночь одинъ изъ бѣлыхъ будетъ сторожить въ этомъ мѣстѣ; первый изъ васъ, кто вздумаетъ, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, переступить черту, проведенную нами на песокъ, будетъ убитъ. А тебя, сказали мы зятю Н'Дунду, какъ единственнаго теперь предводителя (Моина не имѣлъ никакого вліянія на гребцовъ), мы убьемъ, какъ собаку, при всякой попыткѣ къ бѣгству котораго-нибудь изъ оканда; мы предупредили тебя, дѣлай, какъ знаешь». Маршъ тотчасъ-же сталъ на часы подлѣ пироги, съ карабиномъ въ рукѣ и револьверомъ за поясомъ. Не имѣя силъ выдерживать продолжительнаго бодрствованія, мы смѣнялись каждый часъ; такимъ образомъ мы проводили всѣ ночи, начиная съ этой минуты до пріѣзда въ Самъ-Квита. Я и теперь вспоминаю объ этихъ ночахъ, когда, разбитые усталостью, страдая лихорадкою и непрерывными рвотами, мы все-таки принуждены были стоять на ногахъ, слѣдя за всѣми движеніями оканда, которые часто болтали до зари. Иногда одинъ изъ насъ, изнемогая отъ усталости, будилъ товарища, прося его стать на-сторожѣ раньше срока; впрочемъ это случалось весьма рѣдко; вообще каждый изъ насъ, какъ ни велики были его страданія, мужественно выстаивалъ на посту.

13-го, не имѣя больше съѣстныхъ припасовъ, мы, по-неволѣ, должны были пристать къ берегу; мы остановились въ странѣ Апан-

ги; но Маршъ остался въ пирогѣ, а я, съ револьверомъ въ рукѣ, не покидалъ ни на минуту зятя Н' Дунду, который, понимая, что дѣло шло о его жизни, постарался привести своихъ подчиненныхъ къ должному повиновению. Зять Н' Дунду, котораго въ Лопецѣ мы не хотѣли взять съ собою, оказался неоцѣнимъ во время всего путешествія. 15-го мы прибыли къ первымъ деревнямъ окота; намъ вовсе не хотѣлось попадаться въ лапы короля Эдибе; увидя насъ побѣжденными, больными, въ сопровожденіи всего нѣсколькихъ человѣкъ, онъ, по всей вѣроятности, заставилъ-бы дорого заплатить за оскорбленіе, нанесенное ему въ январѣ мѣсяцѣ. Читатель помнитъ, что въ это время мы не совсѣмъ вѣжливо прочистили себѣ дорогу, которую ему хотѣлось-было загородить. Мы старались не приближаться къ берегу; однако этотъ маневръ стоилъ намъ большаго риска, такъ какъ пришлось прыгать черезъ пороги.

17-ое число было для насъ великимъ днемъ; къ вечеру, при усиленной работѣ гребцовъ, мы прибыли въ Самъ-Квита; тамъ случайно собралось до трехсотъ человѣкъ галлуасовъ, иненга и габонцевъ, обсуждавшихъ свои торговые дѣла относительно слоновой кости и каучука. Видя приближеніе пироги съ французскимъ флагомъ, они по свойственному имъ любопытству сбѣжали къ берегу. Дигоми, габонскій откупщикъ, у котораго мы останавливались на озерѣ Огэмоненъ, первый узналъ насъ: «*И тангани фала! и тангани фала!*» (бѣлые французы, бѣлые французы!) закричалъ онъ, какъ сумасшедшій; остальные не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ. Уже давно распространился слухъ, что мы были убиты и изжарены на вертелѣ озіеба. Когда мы вышли на берегъ и уже нельзя было сомнѣваться въ нашей цѣлости и невредимости, они подняли такой шумъ и крикъ, что оканда, принявъ эту суматоху за враждебное настроеніе, хотѣли дать тягу. Насъ тотчасъ-же окружили и осыпали вопросами со всѣхъ сторонъ. Въ эту минуту мы съ истинно душевнымъ волненіемъ слушали французскій говоръ Дигоми и трехъ другихъ габонцевъ; тутъ же былъ и нашъ прежній охотникъ Франсуа, который, вида Шико возвратившагося въ добромъ здоровьи, разбогатѣвшаго и притомъ обладателя невольникомъ, привуслилъ губы отъ досады, что не поѣхалъ съ нами. Весь интересъ сегодняшняго дня сосредоточился на Шико; онъ долженъ былъ по сту разъ пересказывать о на-

шихъ чудесныхъ приключеніяхъ, которыя выслушивались со вниманіемъ и сопровождались «хей! хей!» — восклицаніями, выразившими крайнюю степень удивленія. Мы просили Дигоми раздать присутствующимъ нѣсколько галлоновъ рома, въ благодарность за ихъ радушную встрѣчу; затѣмъ позаботились о приготовленіи для себя помѣщенія, въ которомъ можно было бы спокойно провести ночь. Дигоми предложилъ намъ свою комнату въ факторіи; съѣвъ по кусочку козлятины, предложенной хозяиномъ, мы улеглись; первый разъ послѣ десяти дней мы могли отдохнуть подъ кровомъ, первый разъ могли уснуть вмѣстѣ; впрочемъ, намъ не удалось сомкнуть глазъ въ эту ночь; волненіе и радость по прибытіи въ страну, откуда мы навѣрно могли рассчитывать вернуться во Францію, долго не давали намъ заснуть; наконецъ всѣ черные, бывшіе въ Самъ-Квита, напились рому и подняли страшный шумъ. Около полуночи между пріѣхавшими габонцами и бакалейцами въ Самъ-Квита затѣялась драка. Въ ту минуту, когда мы подоспѣли на шумъ, обѣ стороны, наградивъ предварительно другъ друга ударами, выстроились въ боевомъ порядкѣ, съ ружьями, и готовились начать перестрѣлку. Намъ стоило огромныхъ усилій успокоить ихъ.

Съ разсвѣтомъ мы отправились дальше. Наши оканда, желая загладить свои проступки, работали съ замѣчательной энергіею, и около трехъ часовъ по полудни мы прибыли въ факторію Аданлинанланго. Сенклеръ, конечно, принялъ насъ съ распростертыми объятіями; галлуасы прибѣжали толпами намъ на встрѣчу; но насъ тотчасъ же извѣстили, что они обманули насъ, вытребовавъ лишнее вознагражденіе, да и кромѣ того мы не забыли всѣхъ мошенническихъ продѣлокъ съ нами у оканда; поэтому мы отказались говорить съ ними, объявивъ только, что нашъ расчетъ будетъ еще по возвращеніи *Марабу*, и что если они позволяютъ себѣ дурно обходиться съ оканда, то будутъ имѣть дѣло съ нами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Промышленность и торговля въ экваторіальной Африкѣ.

Необходимость остаться въ Аданлинанланго.—Факторія.—Взглядъ на промышленность и торговлю экваторіальной Африки.—Прежній способъ торговли.—Въ настоящее время бѣлые вытѣснили посредниковъ.—Быстрое распространеніе торговли.—Французскіе негоціанты остались внѣ торговаго движенія.—Дома англійскіе, нѣмецкіе и шотландскіе. — Торговый домъ Гаттона и Куксона и домъ Франца Вюрмера.—Торговля экваторіальной Африки сосредоточена въ четырехъ пунктахъ.—Рѣка Мондахъ.—Лиманъ Габона.—Фернандъ-Ваць.—Огоуэ.—Значеніе торговли по Огоуэ.—Сліяніе Н'Гуніэ съ Огоуэ — главный центръ всѣхъ факторій. — Продукты, покупаемые по рѣкѣ.—Сборъ пальмоваго масла и воскъ. — Орѣхи голо.—Кожи.—Черное дерево.—Каучукъ. — Слоновая кость. — Затрудненія при покупкѣ слоновой кости.—Перечисленіе главныхъ предметовъ, составляющихъ слоновый *накетъ*.—При каждомъ ружьѣ, выдаваемомъ за одинъ слоновый клыкъ, необходимо уплатить извѣстное количество всѣхъ перечисленныхъ товаровъ безъ исключенія.—Нѣкоторыя подробности о порохѣ, матеріяхъ, ромѣ, бусахъ и проч.—Слоновая кость несравненно дешевле въ восточной Африкѣ.—Заключеніе.—Невозможность успѣшной торговли для негоціанта въ Габонѣ, не имѣющаго значительнаго основнаго капитала.—Пріѣздъ г. Шульца.—Неопытный изслѣдователь.—Причины, задержавшія г. Шульца.—Мы ѣдемъ съ нимъ на *Мпонге*.—Мы пріѣзжаемъ въ жалкомъ состояніи.—Превосходный пріемъ.—Послѣдовательное крушеніе трехъ почтъ.—Мы рѣшаемся добраться до острова Принца, чтобы оттуда слѣдовать по португальско-конгской линіи.

Въ факторіи, къ нашему большому сожалѣнію, мы узнали, что, со времени отъѣзда *Марабу*, ни одинъ пароходъ не подымался по Огоуэ,

что съ этого времени не приходило никакихъ вѣстей изъ Габона, и никто не могъ сказать, когда *Дельта* или другой какой-нибудь пароходъ прибудетъ въ Аданлинанланго. При нашемъ состояніи здоровья было-бы безумно ѣхать въ Габонъ въ пирогѣ; оставалось одно: запастись терпѣніемъ и устроиться въ факторіи въ ожиданіи благопріятнаго случая. Мы не могли здѣсь пополнить, не смотря на все усердіе г. Сенклера; консервы, водка и проч. ужъ давно вышли, но мы могли, по крайней мѣрѣ, вдоволь отдохнуть въ хорошо устроенномъ домѣ, видѣть вокругъ себя дружескія лица и избавиться отъ всякихъ непріятностей, которыя, во время послѣдней части нашего путешествія, были для насъ такъ-же тяжелы, какъ и всевозможныя лишенія и нищета. Такимъ образомъ мы проводили дни разслабленные и измученные, и время не казалось намъ продолжительнымъ; я спалъ среднимъ числомъ шестнадцать часовъ въ сутки. Наше единственное развлеченіе состояло въ наблюденіи какъ Сенклеръ производилъ торговлю съ черными, доставлявшими въ это время въ значительномъ количествѣ слоновую кость и каучукъ; такъ какъ теперь у насъ нѣтъ никакихъ занятій въ факторіи, то я воспользуюсь этими свободными часами и посвящу нѣсколько страницъ описанію промышленности и торговли экваторіальной Африки, — предмета интереснаго для многихъ изъ нашихъ читателей.

Г. Дюшалью въ своей «*Экваторіальной Африкѣ*» изложилъ довольно подробно торговлю, производившуюся въ его время въ Габонѣ и сосѣднихъ съ нимъ земляхъ. Въ эту эпоху основаніемъ торговли служила обширная коммиссіонная и посредническая система; бѣлые поручали свои товары габонцамъ и особенно обитателямъ мыса Лопецъ; послѣдніе отвозили товары къ галлуасамъ или фанамъ, которые, въ свою очередь, обмѣнивали ихъ въ странахъ оканда и озіеба; слоновая кость и каучукъ, получаемые за товаръ, такимъ же путемъ, пройдя черезъ нѣсколько племенъ, доходили до негоціанта. Г. Дюшалью превосходно выставилъ страшные недостатки этой системы, которая, послѣвшимъ прибавить, была совершенно измѣнена, если не оставлена, въ послѣднее время. Значительные торговые дома, нѣсколько лѣтъ тому назадъ учрежденные въ Габонѣ, при помощи значительныхъ подарковъ восторжествовали надъ соперничествомъ прибрежныхъ народовъ, воспрещавшихъ имъ доступъ внутрь страны.

На маленькихъ парходикахъ они подвигались очень далеко по большимъ рѣкамъ и озерамъ; кромѣ того, оставляли въ внутреннихъ странахъ значительное число бѣлыхъ агентовъ, повсюду учредившихъ факторіи; около этихъ факторій собирается множество черныхъ коммисіонеровъ, которые расходятся на различныя разстоянія внутрь страны; эти коммисіонеры къ назначенному сроку, обыкновенно черезъ каждый мѣсяць, возвращаются и приносятъ продукты, вымѣненные на товары, порученные имъ факторіею по существующимъ цѣнамъ въ Габонѣ, другими словами,—по очень высокомъ цѣнамъ. Впрочемъ черные всѣхъ племенъ теперь отлично знаютъ, гдѣ помѣщаются факторіи, и часто сами приносятъ слоновую кость и каучукъ, нерѣдко очень издалека. Такимъ образомъ въ настоящее время посредничество понемногу уничтожилось.

Съ сожалѣніемъ приходится сознаться, что въ этомъ распространеніи торговли экваторіальной Африки, въ ея быстрыхъ успѣхахъ, Франція принимаетъ весьма незначительное участіе. Фирмы нѣмецкія, англійскія и шотландскія держатъ въ своихъ рукахъ дѣла нашей колоніи; два изъ этихъ дома, одинъ англійскій, именно Гаттона и Куксона, подъ представительствомъ г. Валькера, другой нѣмецкій, у Франца Вюрмера и К^о., подъ представительствомъ г. Вольбера,—одни вывозятъ три четверти цѣнныхъ продуктовъ (слоновую кость, черное дерево, каучукъ), доставляемыхъ въ Габонѣ. Фирма изъ Глазгова, Купера и К^о. также производитъ значительные обороты; существуетъ много другихъ фирмъ разныхъ націй, которыя бесполезно здѣсь перечислять; даже одинъ черный, сенегалецъ Керно-Махмаду-Сейдіу основалъ обширный торговый домъ на берегу. Зато Франція имѣетъ только одинъ хорошій торговый домъ, весьма извѣстный и уважаемый, именно г. Пиластръ изъ Гавра. Нѣсколько другихъ французскихъ негоціантовъ въ Габонѣ ведутъ мелочной торгъ напитками и иногда отправляютъ во Францію красное дерево, но не имѣютъ средствъ для покупки слоновой кости. Фирмы Гаттона и Куксона и Франца Вюрмера имѣютъ большіе пароходы, привозящіе имъ товары прямо изъ Англии или Германіи и вывозящіе предметы, приобрѣтенные на Западномъ берегу; кромѣ того, каждый изъ этихъ домовъ имѣетъ по три маленькихъ парохода, перевозящихъ кладъ изъ факторій внутрь страны. Другіе большіе торговые

дома получают и отправляют свои товары въ Европу на парусныхъ судахъ и также имѣютъ маленькіе пароходы для сообщенія съ внутренними факторіями. Что касается мелкихъ негоціантовъ, то они принуждены привозить свои товары на пакеботъ (African-mails-ship. Compaу) и, не говоря уже о многочисленныхъ крушеніяхъ, неизменно высокой фрахтъ дѣлаетъ невозможною выгодную торговлю. Г. Пиластръ и г. Альмеида (де Санъ-Томе) составили два проекта для сообщенія между Габономъ и островомъ Принца, отстоящимъ отъ берега всего на сто сорокъ миль; тамъ пристають пароходы изъ Лиссабона въ Конго, на которыхъ тарифъ несравненно выгодиѣе.

Торговля Экваторіальной Африки сосредоточивается только въ четырехъ пунктахъ, которые мы разсмотримъ послѣдовательно.

1) Рѣка Мондахъ: здѣсь производится обширная и почти исключительная торговля краснымъ деревомъ; за сто полѣньевъ платится двадцать пять франковъ (товарами). Вслѣдствіе издержекъ по перевозкѣ и невысокой стоимости краснаго дерева, торговля имъ не представляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ для купцовъ. Оно легко пріобрѣтается, потому что для покупки краснаго дерева требуется небольшое количество вещей, а не цѣлый выборъ извѣстной цѣнности предметовъ, какъ для покупки слоновой кости; значительныя фирмы вовсе не занимаются этой торговлею, а мелкіе негоціанты жалуются на ея невыгоды, что вполне справедливо.

2) Лиманъ Габона: на берегу лимана Габона, какъ извѣстно, расположенъ Либревиль, главный городъ нашей колоніи, и Гласстоунъ, резиденція англійскихъ и нѣмецкихъ негоціантовъ. Въ факторіяхъ Либревилля и Гласстоуна скупается главнымъ образомъ слоновая кость, которая попадаетъ сюда, переходя черезъ руки черныхъ изъ одной факторіи въ другую часто въ продолженіи цѣлаго года. Какъ въ Либревиль, такъ и въ Гласстоунъ цѣны далеко не выгодны для торговцевъ вслѣдствіе сильной конкуренціи, существующей между ними.

Такъ напр., слоновая кость покупается по страшно высокой цѣнѣ—отъ двѣнадцати до пятнадцати франковъ за фунтъ, платимыхъ въ видѣ товаровъ; эти товары состоятъ изъ ста тридцати различныхъ образцовъ, образующихъ «слоновый пакетъ», о которомъ я буду имѣть случай говорить. Каучукъ въ два года повысился съ девяности

сантимовъ до одного франка съ половиною за фунтъ; то-же самое и съ другими предметами. Всѣ товары, вывозимые изъ Габона, какъ мы уже, кажется, упоминали, обложены на французской таможенѣ пошлиною въ четыре процента *ad valorem*.

3) Фернандъ-Вацъ: Г. Дюшалью первый проникъ въ Фернандъ-Вацъ; съ этого времени тамъ насчитываютъ пять факторій, принадлежащихъ г.г. Пиластръ, Гаттону и Куксону, Куперу, Францу Вюрмеру и Тоуну. Факторія г. Пиластръ есть, если можно такъ выразиться, передовой стражъ торговли этой страны; она расположена посреди страны Асхира, около шестидесяти лье далѣе другихъ факторій, на Рембоз, рѣкѣ, впадающей въ Фернандъ-Вацъ. Изъ этого лимана вывозится немного слоновой кости и большое количество черного дерева и каучука. Къ сожалѣнію, безпокойный характеръ кама и опасности, представляемыя барромъ, находящимся въ устьѣ Фернандъ-Ваца, всегда будутъ мѣшать развитію въ этомъ мѣстѣ важнаго торговаго пункта. Послѣднія извѣстія, полученные мною изъ Фернандъ-Ваца, были весьма неутѣшительны вслѣдствіе сильной ссоры между г. Чилльсъ, агентомъ г.г. Гаттона и Куксона, и однимъ изъ предводителей страны. Кама разграбили нѣсколько факторій, а бѣлые, засѣвъ на островѣ Зеа-Фортъ, предприняли противъ нихъ правильную осаду. Осажденные ожидали съ нетерпѣніемъ помощи отъ «Марабу». Мы имѣемъ въ Фернандъ-Вацѣ таможеню, агентъ которой флотскій квартирмейстеръ; эта таможня учреждена на тѣхъ же условіяхъ и по тому же тарифу, какъ и въ Габонѣ.

4) Огоуэ. Главный пунктъ торговли экваторіальной Африки, безъ всякаго сомнѣнія, находится на Огоуэ. Въ настоящее время на одномъ Огоуэ торговое движеніе значительнѣе чѣмъ на рѣкѣ Мондахъ, лиманѣ Габона и Фернандъ-Вацѣ, вмѣстѣ, взятыхъ; на Огоуэ торгуютъ всѣми продуктами, вывозимыми изъ Габона и окрестныхъ странъ, и торговля эта повсюду производится однимъ способомъ. Поэтому я опишу обстоятельнѣе, впрочемъ не вдаваясь слишкомъ въ подробности, торговлю по Огоуэ въ томъ видѣ, какъ наблюдалъ ее.

Рѣка Огоуэ, неизвѣстная шесть, семь лѣтъ тому назадъ и недоступная для негоціантовъ до 1870 г., въ настоящее время представляетъ очень дѣятельный, оживленный центръ торговли. Читателямъ, слѣдившимъ за рассказомъ моихъ путешествій, уже извѣстно,

что главная резиденція наиболѣе значительныхъ негоціантовъ была основана въ Адалинланго, ста шестьюдесятью милями выше устья рѣки. Я уже имѣлъ случай представить всѣ выгоды положенія этой резиденціи при слияніи Н'Гуніе съ Огоуэ, на разстояніи одного дня плаванія въ пирогѣ отъ озеръ З'Онангэ, Азинго, Изанга и др. Я говорилъ также о факторіи г. Гаттона и Куксона и г. Вюрмера. Въ этомъ мѣстѣ есть еще факторія г. Гольта изъ Ливерпуля. Каждый изъ этихъ торговыхъ домовъ въ періодъ дождей, единственно возможный для навигаціи вверхъ по Огоуэ, отправляетъ свои пароходы для буксировки огромныхъ плотовъ съ товарами. О громадности производимыхъ ими торговыхъ оборотовъ можно судить по тому, что одинъ домъ Гаттонъ и Куксонъ вывозитъ ежемѣсячно до двадцати тысячъ фунтовъ каучука (кромѣ слоновой кости и черного дерева). Каждая изъ этихъ большихъ факторій имѣетъ множество мелкихъ магазиновъ, нерѣдко на значительныхъ разстояніяхъ отъ факторіи, воеругъ большихъ озеръ и въ верховьяхъ рѣки; эти магазины нерѣдко откупаютъ негры. Послѣ всѣхъ этихъ подробностей о расположеніи разныхъ факторій, намъ остается разсмотрѣть, какіе продукты вывозятся ими, на какихъ условіяхъ и посредствомъ какихъ товаровъ приобрѣтаются эти продукты.

Пальмовое масло (по мпонгвейски *огами*) находится въ маломъ количествѣ на Огоуэ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Западнаго берега экваторіальной Африки; черные воздѣлываютъ его лишь для собственнаго употребленія. Этотъ цѣнный продуктъ, главный торговый двигатель въ Бонни, Брассѣ, Калабарѣ, Камеронѣ, также въ южныхъ провинціяхъ—Эмбризѣ, Банана, Леанда и др., находится въ полномъ пренебреженіи въ Габонѣ; предметы вывоза составляютъ: красное дерево, воскъ, орѣхи голо, звѣринныя шкуры, и особенно черное дерево, каучукъ и слоновая кость.

Я уже говорилъ о красномъ деревѣ (*оинго*); впрочемъ, въ Огоуэ имъ вовсе не занимаются.

Воскъ (*ипома*) готовится одними только бакалейцами; они доставляютъ его обыкновенно въ формѣ лепешекъ въ два или три фунта, и притомъ плохо очищеннымъ, потому что въ немъ столько же пчель, сколько и воску; впрочемъ, бакалейцы не придають большаго значенія

этому продукту и охотно принимаютъ все, что имъ даютъ въ обменъ за него.

Орѣхи голо (*куру*) вывозятся въ маломъ количествѣ и предназначены преимущественно для черныхъ Верхняго Сенегала и Верхняго Нигера; это плодъ очень горькій, обладающій, по словамъ африканцевъ, чудесною способностью утолять голодъ и жажду и придавать хорошей вкусъ самой испорченной водѣ; въ нѣкоторыхъ частяхъ Судана, Ашанти и Футахъ Сенегала орѣхи голо покупаются на вѣсъ золотого песка. Орѣхи голо растутъ въ изобиліи по берегамъ Огоуэ, и нѣкоторые предводители, напр. король Реноче, постоянно жуютъ ихъ, какъ индусы свой бетель.

Звѣриныя шкуры, вслѣдствіе незначительнаго количества, не могутъ составить предмета серьезной торговли; шкуры тигровъ, или скорѣе пантеръ, встрѣчаются, правда, въ довольно большомъ количествѣ; но черные готовятъ изъ нихъ перевязи и другіе военные атрибуты и назначаютъ такія цѣны, которыя не позволяютъ съ выгодой покупать ихъ. Вывозится однако много обезьяньихъ шкуръ, изъ которыхъ, впрочемъ, одна только шкура черной обезьяны съ длинной шерстью (*satanus colubus*) имѣетъ дѣйствительную цѣнность.

Растеніе, изъ котораго получается черное дерево (*эвила*), растетъ изобильно во всѣхъ странахъ, сосѣднихъ съ Огоуэ, главнымъ образомъ по берегамъ озера Зіалэ, Огэмуенъ и Азинго. Пагуинцы, населяющіе берега озера Азинго, почти исключительно занимаются торговлею этимъ деревомъ, и въ теченіи одного года сенгалецъ Юсуфъ, агентъ г. Валькера, накупилъ его болѣе ста тысячъ полѣньевъ. Черное дерево оплачивается, вообще, весьма умеренно. Семь полѣньевъ стоятъ пять франковъ товарами; эти товары слѣдующіе: порохъ, гвинейская кисея, англійскія матеріи, бусы, табакъ, мѣдные брусья и др. Обыкновенно, за черное дерево не даютъ ружей.

Каждое полѣно должно имѣть въ длину отъ восьмидесяти до девяносто сантиметровъ. Въ настоящее время черные не доставляютъ этого дерева въ такомъ большомъ количествѣ, какъ прежде, тѣмъ не менѣе торговля имъ считается прибыльной для людей, располагающихъ хорошими средствами перевозки, хотя все-таки не столь выгодной, какъ торговля каучукомъ, составляющимъ настоящее богатство страны.

Каучукъ (*дамбо*) добывается въ настоящее время въ огромныхъ количествахъ и кажется неистощимъ, не смотря на губительный пособъ добычи пагуинцами, которые срубаютъ цѣлыя ліаны, вмѣсто того чтобы дѣлать въ нихъ надрѣзы для извлеченія сока. Африканскій каучукъ есть молочнообразный сокъ, выдѣляемый особымъ вьющимся растеніемъ, которое заплетается вокругъ очень многихъ деревьевъ; это растеніе, съ продолговатыми, кожистыми, темнозелеными листьями, приноситъ большіе плоды, довольно похожіе на гранатъ, мясо которыхъ облечено весьма твердой оболочкою и содержитъ много ядеръ; мясо имѣетъ сладковатый, приторный вкусъ; всѣ обезьяны, какъ и негры, охотно ѣдятъ этотъ плодъ. Въ экваторіальной Африкѣ каучукъ готовится въ видѣ шаровъ величиною съ кулакъ, а не въ формѣ лепешекъ въ двадцать пять фунтовъ, какъ я видѣлъ въ Никарагуа. Весьма трудно услѣдить за тѣмъ, чтобы негры, тайкомъ, не подбавляли въ каучукъ земли и другихъ постороннихъ веществъ для увеличенія вѣса.

Покупка каучука также доступна для всѣхъ, какъ и чернаго дерева; для этого достаточно заpastись матеріями, табакомъ, бурами или другими какими-нибудь товарами, употребляемыми туземцами; кромѣ того, покупка каучука не представляетъ никакихъ затрудненій; толпы коммисіонеровъ изъ негровъ отправляются внутрь страны и приобрѣтаютъ его на счетъ факторій. Совсѣмъ иное дѣло слоновая кость (*мпуни*); для торговли ею факторія должна имѣть богатый запасъ товаровъ и весьма опытнаго агента. Во время нашего пребыванія въ Габонѣ, тамъ было для продажи шесть тысячъ фунтовъ слоновой кости, принадлежавшей многимъ лицамъ, которыя въ продолженіи двухъ лѣтъ прогуливались отъ Габона къ Огоуэ, отъ Огоуэ къ Фернандъ-Ваду, отъ Фернандъ-Вада обратно къ Габону, и нигдѣ не могли сбыть этой кости. Такое обстоятельство происходитъ оттого, что для покупки слоновой кости надо имѣть терпѣніе рыбака, ловящаго на удочку, и хитрость индуса. Когда черные приносятъ въ факторію хорошій слоновый клыкъ, ихъ обыкновенно собирается при этомъ цѣлая толпа, отъ пятидесяти до шестидесяти человѣкъ, изъ которыхъ, по меньшей мѣрѣ, пятьдесятъ не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу; управляющій факторіею прежде всего долженъ показать все, что есть у него въ магазинахъ; если не окажется хотя

одного изъ требуемыхъ товаровъ, вся толпа навсегда удаляется; если подборъ товаровъ окажется полнымъ, негры располагаются передъ факторією, чтобы *обсудить* дѣло на свободѣ; послѣ долгихъ разсужденій, онеро объявляютъ цѣну, назначенную владѣльцами клыка; эта цѣна всегда бываетъ въ десять разъ выше стоимости кости; управляющій факторією, конечно, не соглашается; онеро удаляются и клянутся, что не могутъ сбавить ни одного листа табаку; однако на другой день возвращаются и ограничиваютъ свои требованія, и такимъ образомъ дѣло тянется дней пятнадцать; подъ конецъ ихъ условія, обыкновенно, незначительно отличаются отъ предложеній бѣлаго; послѣдній предлагаетъ общую раздачу рому,—и торгъ считается заключеннымъ. Тогда приступаютъ къ уплатѣ *слоноваго пакета*. Я упоминалъ, что слоновый пакетъ состоитъ изъ множества разныхъ товаровъ; мы рассмотримъ главнѣйшіе изъ нихъ.

1) Ружье (*нжали*), какъ уже было сказано, представляетъ главный предметъ пакета, обуславливающій количество остальныхъ, уплачиваемыхъ товаровъ. За фунтъ слоновой кости, обыкновенно, выдаются четыре ружья; они бирмингамскаго издѣлія и стоятъ на мѣстѣ десять франковъ; въ Габонѣ ихъ продаютъ чернымъ по двадцати франковъ; если принять во вниманіе издержки по перевозкѣ и многочисленныя поломки и порчу ружей, привозимыхъ изъ Англии, то ружейная торговля окажется далеко не выгодною. Я долженъ признаться, что не могу надивиться пригодности ружей, приготовляемыхъ по такой низкой цѣнѣ; не смотря на огромные заряды, которые кладутъ въ нихъ черные, стволы почти никогда не разрываются; они берутъ довольно далеко и очень опасны въ рукахъ хорошаго стрѣлка.

2) Порохъ (*мтира*); ружье требуетъ въ слоновомъ пакетѣ по крайней мѣрѣ два боченка пороха; порохъ продается въ маленькихъ боченкахъ по четыре фунта, отдаваемыхъ чернымъ за семь съ половиною франковъ, и въ боченкахъ по восьми фунтовъ, продаваемыхъ за четырнадцать франковъ; цѣна на порохъ одинакова въ Габонѣ, на Огоуэ и во всѣхъ другихъ частяхъ экваторіальной Африки. Негоціанты и порохъ причисляютъ къ невыгоднымъ предметамъ торговли, хотя ежемѣсячно сбываютъ его по нѣскольку тысячъ боченковъ.

3) Тазы (*симьенэ*); при каждомъ ружьѣ полагается два таза; эти

большіе тазы, приготовляемые изъ мѣди, обходятся въ Англіи по семи съ половиною франковъ; они въ большомъ употребленіи у черныхъ, такъ какъ составляютъ существенную часть приданаго невѣсты; ихъ продаютъ туземцамъ по три шіастра, т. е. по пятнадцати франковъ. Важное преимущество этого товара заключается въ томъ, что онъ не подверженъ никакой порчѣ.

4) Матеріи (*инамба*); ихъ должно быть въ пакетѣ среднимъ числомъ двадцать четыре аршина на каждое ружье; сажень принимается маховая, т. е. разстояніе между оконечностями обѣихъ растянутыхъ рукъ продавца; матеріи привозятся обыкновенно изъ Манчестера. Трудно представить себѣ все разнообразіе матерій, привозимыхъ ежегодно въ экваторіальную Африку; назначенныя для береговой продажи должны быть красивы и добротны, иначе черные не принимаютъ ихъ; далѣе внутрь страны сбываются матеріи попроще; цѣна одной маховой сажени почти всюду у туземцевъ равняется одному шіастру или пяти франкамъ.

5) Ромъ (*алулу*); онъ расходуется въ огромномъ количествѣ у габонцевъ, галлуасовъ, иненга, бакалейцевъ, кама и др.; поэтому бочки рому составляютъ главный грузъ всѣхъ судовъ, поднимающихся вверхъ по Огоуэ; весьма трудно разбавить ромъ водою такъ, чтобы негры не замѣтили этого; его продаютъ въ *мбуте мполю*, т. е. обыкновенными бутылками, и *мбуте компини*; *мбуте компини* были изобрѣтены голландскою компаніею, когда она имѣла факторію въ Габонѣ; каждый такой сосудъ представляетъ форму маленькаго флакона для одеколона (ихъ выходитъ пять на одинъ литръ) и продается чернымъ за одинъ франкъ. Фабрикованный ромъ готовится прибавленіемъ карамели въ сорока-пятиградусный спиртъ; онъ обходится немного меньше франка за литръ; слѣдовательно онъ представляетъ весьма выгодный продуктъ, если вопросъ добросовѣстности отложить въ сторону.

Къ четыремъ *мбуте мполю* рома, выдаваемымъ при ружьѣ, надо прибавить одну бутылку джину, бутылку ликеру и бутылку гингервейну; джинъ ввозится въ огромныхъ количествахъ; онъ почти весь получается отъ одного гамбургскаго торговаго дома, имѣющаго якорь на этикеткахъ; онъ обходится пять франковъ за дюжину бутылокъ и, по цѣнамъ Огоуэ, продается по два франка за бутылку. Ликеръ

продается въ бутылкахъ *комбини*, имѣющихъ величину флаконовъ, въ которыхъ разливается одеколонъ; этотъ ликеръ получается изъ Бордо подъ важнымъ названіемъ ликера высокаго качества; вслѣдствіе своего сладкаго вкуса онъ въ большомъ употребленіи у дамъ галлуасовъ и иненга; продается по два франка, какъ и гингеръ-вейнъ т. е. имбирное вино, другой напитокъ, весьма уважаемый въ здѣшнихъ мѣстахъ, гдѣ, впрочемъ, введенъ недавно.

7) За *алуу* и другими напитками слѣдуетъ въ слоновомъ пакетѣ табакъ (*итако*). Табакъ не такъ цѣнится въ Огоуэ, какъ въ Фернандъ-Вацѣ; тѣмъ не менѣе и здѣсь онъ расходуется еще въ довольно большомъ количествѣ; негоціанты получаютъ его изъ Америки и онъ обходится имъ, за уплатою всѣхъ издержекъ, одинъ франкъ восемьдесятъ сантимовъ за десять напущъ; въ Габонѣ его продаютъ чернымъ по пятидесяти сантимовъ за напущу, а въ Огоуэ и Фернандъ-Вацѣ — по франку.

8) Бусы (*илонда*) представляютъ также существенную часть слоновяго пакета; онѣ продаются всегда по франку за горсть (около четверти фунта), хотя свои цѣны на нихъ весьма различны, потому что на Западномъ берегу употребляются весьма многочисленныя сорты бусъ; наиболѣе цѣнныя извѣстны подъ названіями *loango rouge, amber colliers, black colliers* и *see beads*. Пагуинцы и озіеба, равнымъ образомъ нямъ-нямъ въ восточной части Африки требуютъ только одинъ сортъ бусъ голубаго стекла, извѣстный подъ именемъ сенегальскихъ колець.

9) Ножи (*исуака*) въ большомъ употребленіи и весьма выгодны для негоціантовъ; торговый домъ Гаттонъ и Куксонъ самъ приготовляетъ ножи, отправляемые въ Африку и стоящіе себѣ по тридцати сантимовъ; продаются они всюду по два франка.

10) Мѣдные и бронзовые листы (*иссасса*), изъ которыхъ женщины и даже мужчины приготовляютъ браслеты и кольца на ноги; этотъ товаръ очень спрашивается и представляетъ важный предметъ торговли; цѣны различны — смотря по толщинѣ и величинѣ листовъ.

12) Свинець (*схумбу*) продается кусками въ два фунта, по франку за фунтъ; туземцы употребляютъ его только для сѣтей, а ружья предпочитаютъ заряжать желѣзомъ или кусочками листовой мѣди.

13) Чугунныя котлы (*ичуана*) требуются двухъ величинъ.

14) Мѣдные котлы (*оломбо*); продаются не менѣе двѣнадцати франковъ за штуку.

15) Соль (*изема*); котель соли уже при слияніи Огоуэ стоитъ пять франковъ; выше, какъ мы видѣли, соль цѣнится чрезвычайно дорого.

16) Посуда: тарелки (*пеле*), стояція десять сантимовъ, продаются по франку; кружки, горшки и пр.

17) Шляпы высокой формы (*эпоколо*); сохраняются въ подарокъ королямъ, которые одни имѣютъ право носить ихъ.

18) Колпаки изъ красной шерсти (*ипака*), стоящіе по пятнадцати сантимовъ, продаются по два франка.

19) Духи; въ большомъ употребленіи у женщинъ; мы рекомендуемъ преимущественно духи, получаемые изъ Франціи подъ громкимъ названіемъ императорской лавандовой воды; это отвратительные духи.

20) Ружейные кремни (*адо*); выдается двадцать штукъ на каждое ружье въ слоновомъ пакетѣ.

21) Ножницы (*чера*), бритвы (*оэнда*), иголки (*нтомбо*), гребни и др. Я не могу перечислить всѣхъ предметовъ, потому что въ Огоуэ слоновый пакетъ, или *ivory bundle*, заключаетъ болѣе шестидесяти вещей; въ Габонѣ число ихъ доходитъ до ста сорока.

Повторяю, что каждое ружье, назначенное въ уплату за слоновый клыкъ, безусловно обязываетъ уплатить всѣ вышешюименованные предметы и еще другіе, въ количествѣ опредѣленномъ и неизмѣнномъ. И такъ негоціантъ, предлагающій десять ружей за слоновый клыкъ, знаетъ, что, кромѣ этихъ десяти ружей, онъ долженъ заплатить двадцать боченковъ пороха, сорокъ маховыхъ сажень матеріи, сорокъ бутылокъ рому, десять бутылокъ джину и проч. и проч.; вообще за слоновую кость въ Огоуэ платятъ 50 процентовъ ея стоимости въ Англии и Франціи, а въ самомъ Габонѣ 75 процентовъ. Эти цѣны, вызванныя конкуренціею, совершенно отличны отъ цѣнъ на востокѣ экваторіальной Африки; въ самомъ Картумѣ слоновая кость легко приобрѣтается за четверть стоимости въ Европѣ.

Въ видѣ практическаго заключенія изъ всѣхъ приведенныхъ подробностей о торговлѣ и промышленности экваторіальной Африки, я замѣчу, что въ настоящее время негоціантъ, желающій оставить отечество и поселиться въ отдаленныхъ странахъ, не долженъ пріѣз-

жати въ Габонъ и даже Огоуэ безъ значительныхъ капиталовъ: въ противномъ случаѣ, онъ будетъ забитъ конкуренціею большихъ торговыхъ домовъ англійскихъ, нѣмецкихъ и шотландскихъ, уже утвердившихся въ этой странѣ. Я съ большимъ сожалѣніемъ вижу необходимость высказать этотъ совѣтъ относительно одной французской колоніи, благосостояніе которой живо интересуетъ меня;—но я далъ себѣ слово быть откровеннымъ; кромѣ того, я видѣлъ въ Габонѣ многихъ моихъ соотечественниковъ, которые пріѣзжали туда, привлекаемые вымышленными и преувеличенными разказами; послѣ многихъ лѣтъ непрерывнаго труда, они теряли привезенный капиталецъ и принуждены были возвращаться въ отечество съ пустымъ карманомъ и навсегда разстроеннымъ здоровьемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, я не думаю, чтобы кто-нибудь могъ привести мнѣ хотя одинъ примѣръ негодянта, прибывшаго въ Габонъ съ незначительными средствами и нажившаго тамъ капиталъ. При такихъ условіяхъ долгъ совѣсти заставляетъ громко высказать правду; кромѣ Габона, есть много странъ, не столь отдаленныхъ и нездоровыхъ, гдѣ можно нажить состояніе ¹⁾).

9-го мая между черными разнесся слухъ о прибытіи парохода г. Шульца ²⁾); г. Шульцъ, агентъ богатѣйшаго торговаго дома Вюрмеръ, изъ Гамбурга, основалъ первую факторію въ Аданлинанланго, регулярно вывозилъ товары изъ этой факторіи на прекрасномъ маленькомъ пароходѣ; къ сожалѣнію, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, его механикъ, въ совершенно пьяномъ видѣ, собственноручно поджегъ *Мпонве* (такъ назывался пароходъ); послѣ столь похвальнаго подвига, онъ началъ плясать посреди пожара и стрѣлять изъ карабина по круманамъ, которые хотѣли потушить огонь. Бѣдствіе угрожало очень дурными послѣдствіями, если бы негодяй не упалъ въ воду; къ счастью, онъ остушился и полетѣлъ за бортъ: благодаря

¹⁾ Въ настоящую минуту я узнаю, что даже торговый домъ Пиластръ ликвидируетъ свои дѣла и намѣренъ покинуть Габонъ; этотъ домъ, находящійся во всѣхъ отношеніяхъ въ блестящихъ условіяхъ, зная хорошо страну, въ которой существуетъ тридцать лѣтъ, всетаки не видитъ возможности выгодно вести торговлю; это самое яркое доказательство моихъ словъ.

²⁾ Г. Шульцъ и г. Валькеръ первые изъ бѣлыхъ, проникшіе прежде насъ въ Лопецъ.

преданности крумановъ, былъ спасенъ и механикъ и пароходъ; только тотъ и другой получили сильныя поврежденія; одинъ былъ отправленъ въ госпиталь, другой—въ Габонъ для починки.

Г. Шульцъ разсчитывалъ, что пароходъ недѣль черезъ шесть будетъ въ состояніи продолжать службу, но шесть недѣль прошли прежде чѣмъ прибыли изъ Англіи необходимые матерьялы для починки. Съ этого времени галлуасы и особенно габонцы, служившіе Шульцу въ Аданлинанланго, каждый день ждали *Оваротуту*, дымящуюся лодку г. Шульца, и, вѣроятно, для собственнаго развлечения, регулярно два раза въ недѣлю возвѣщали прїѣздъ парохода. Поэтому, когда служащіе г. Шульца бросились въ факторію, крича во все горло, что пароходъ негоціанта находится при вѣздѣ въ рѣку Оюгавица и ночью будетъ въ Аданлинанланго, мы, понятно, не повѣрили этому извѣстію; однако, къ нашему удивленію, новость оказалась справедливою. Около трехъ часовъ утра мы были разбужены грохотомъ тамъ-тамъ, громомъ ружейныхъ выстрѣловъ и радостными пѣснями, привѣтствовавшими прибытіе парохода. На разсвѣтѣ мы отправились привѣтствовать г. Шульца, который принялъ насъ весьма радушно и предложилъ отвезти на своемъ пароходѣ въ Габонъ, куда долженъ былъ ѣхать послѣ восьмидневнаго пребыванія въ Аданлинанланго; мы съ радостью приняли его предложеніе.

Въ продолженіи этихъ восьми дней, послѣднихъ, проведенныхъ нами въ странѣ галлуасовъ, мы пользовались весьма прїятнымъ для насъ обществомъ. Г. Шульцъ привезъ на *Мпонвэ* одного нѣмецкаго джентельмэна, барона Копенфельца, прїѣхавшаго въ Аданлинанланго, какъ и мы въ прошломъ году, для собиранія коллекціи по естественной исторіи. Большое семейное горе, смерть нѣжно-любимой жены, побудили его отправиться въ далекія страны. Мы съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ этому любезному, образованному человѣку, который, не имѣя никакой опытности въ путешествіи, отправился одинъ въ самую непрїятную изъ всѣхъ странъ свѣта; поэтому мы старались совѣтами и познаніями помочь ему въ исполненіи предположенной имъ задачи. Онъ, по видимому, былъ очень признателенъ, но не могъ воспользоваться нашими инструкціями: съ

первыхъ же дней прибытія въ Африку захвораль и послѣ продолжительной упорной борьбы, послѣ трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ постели въ Аданлинанланго, принужденъ былъ воспользоваться остаткомъ своихъ силъ, чтобы, какъ можно скорѣе, сѣсть на европейскій пароходъ.

11 мая мы распростились съ милымъ Сенклеромъ, который ухаживалъ за нами съ истинной преданностью, и сѣли на пароходъ, отправлявшійся въ Габонъ, съ чувствомъ легко понятной радости. 15-го прибыли въ мысу Лопецъ, гдѣ у г. Шульца была факторія; мы здѣсь пробыли три дня, потому что у г. Шульца было много дѣлъ въ этой факторіи.

Кама оказались большими нахалами въ дѣлахъ, которыя пришлось съ ними вести, хотя г. Шульцъ—человѣкъ наиболѣе популярный у черныхъ, начиная отъ мыса Лопеца и до страны галлуасовъ. Однако, благодаря его терпѣнію, все уладилось благополучно; 18-го мы вышли въ Габонъ, 19-го вступили въ лиманъ около десяти часовъ вечера; на морѣ было сильное волненіе; пришлось бросить якорь въ нѣсколькихъ метрахъ отъ *Кордельеры*, въ ожиданіи посѣщенія карантинной комиссіи и таможенныхъ; такимъ образомъ пришлось провести ночь при страшной качкѣ. На другой день рано утромъ, докторъ Каба, нашъ старинный знакомый, прибылъ для осмотра парохода; онъ былъ пораженъ встрѣтивъ насъ, и тотчасъ-же увезъ съ собою. Мое вступленіе на *Кордельеру* было далеко не блестяще; я былъ босъ, въ лохмотьяхъ и едва волочилъ ноги; матросы, замѣстившіе прежнихъ со времени нашего отъѣзда, удивлялись, почему я безошибочно знаю дорогу къ офицерскимъ квартирамъ. Насъ ожидало много новостей: офицеры, которые были весьма любезны съ нами, г.г. Тетаръ и Коффиьеръ, возвратились во Францію; но и замѣнившіе ихъ г.г. Летрокеръ и Ланзакъ приняли насъ, какъ старые друзья. Г. Легранъ также уѣхалъ; бѣдный главный врачъ, прибывшій на его мѣсто, заболѣлъ черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Габонъ, и обязанности его исполнялъ г. Пюжо, человѣкъ съ душою и весьма почтенный.—«Чортъ возьми, сказалъ г. Пюжо, осматривая меня: васъ изрядно уходили, ну да мы васъ вылечимъ». Мы, конечно, заняли свои прежнія комнаты въ госпиталѣ и, выпивъ вина и закусивъ

хлѣбомъ съ яйцами, улеглись не на импровизированныхъ, а въ настоящихъ кроватяхъ.

Не трудно понять, что первую мыслью по прибытіи на берегъ— было освѣдомиться о письмахъ изъ Европы; мы съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій. Офицеры были столь предупредительны, что немедленно снарядили судно за нашими письмами, адресованными въ миссію; при этомъ они предупредили, чтобы мы приготовились къ сильному разочарованію на этотъ счетъ. Какой-то неумолимый рокъ тяготѣлъ надъ парусными *Royal mail African Steamship Company*, совершавшими рейсы по Западному берегу Африки. Четыре изъ нихъ, одинъ за другимъ, потерпѣли крушеніе. Первымъ былъ *Нирриція*, имѣвшій въ числѣ пассажировъ доктора Гюсфельда, начальника нѣмецкой экспедиціи для изслѣдованія Конго, г. Густава Пиластра, представителя торговаго дома Э. Пиластръ, и Р. П. Леберра, начальника миссіи. Этотъ парусный ботъ сѣлъ на мель на утесахъ, при входѣ въ Сьерра-Леоне; пассажировъ спасли съ большими усиліями, но грузъ и почта потонули. Послѣдній парусный ботъ былъ *Либерія*, который, какъ мы узнали впоследствии, исчезъ со всѣмъ, что на немъ было, въ Гасконскомъ заливѣ. На немъ ѣхалъ прекрасный молодой человекъ, г. Павелъ Пиластръ, котораго мы отлично знали въ Габонѣ и любили; онъ готовился замѣстить своего брата Густава, здоровье котораго сильно пострадало. Смерть г. Павла Пиластра была тяжелымъ ударомъ для семьи, недавно утратившей многихъ изъ своихъ членовъ. Въ данную минуту ни его братъ, ни мы еще не знали объ этомъ несчастіи; вся колонія была въ сильномъ безпокойствѣ; не имѣя никакихъ извѣстій изъ Европы въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, всѣ думали, что ни одинъ парусный ботъ ужъ не пристанетъ больше къ Габону. При такомъ положеніи дѣлъ, вопросъ о томъ когда и какимъ образомъ мы отправимся во Францію, представлялъ для насъ почти неразрѣшимую загадку; впрочемъ мы не особенно занимались этимъ вопросомъ. Окруженные заботливымъ уходомъ и предупредительностью, мы чувствовали себя очень хорошо; тихая и удобная жизнь такъ пріятна послѣ длиннаго ряда тревогъ и страданій, что мы наслаждались настоящей минутою, не заботясь о будущемъ; однимъ словомъ, мы были очень счастливы. Маршъ, здоровье котораго не такъ пострадало, какъ мое, черезъ нѣсколько дней былъ въ состояніи отправитъ-

ся на берегъ, гдѣ и воспользовался гостепріимствомъ г. Пиластра ¹⁾. Но ескорѣ г. Пиластръ, серьезно заболѣвъ, замѣстилъ свободную постель, стоявшую подлѣ меня; такъ прошли три недѣли; мои силы замѣтно возстановлялись, аппетитъ поражалъ доктора, и я давно возвратился бы на берегъ, если-бы господа офицеры, въ знавъ симпатіи ко мнѣ, не удерживали меня у себя.

¹⁾ Въ одной изъ предыдущихъ главъ, описывая нашъ переѣздъ отъ мыса Лопеда до Габона, я упоминалъ о г. П...., на пароходѣ котораго мы ѣхали, это вовсе не былъ г. Пиластръ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Возвращеніе во Францію.

Мы рѣшаемся ѣхать на островъ Принца.—Прощаніе съ *Кордельерою*.—Мы отправляемся на *Алисъ*, ех - Вернонь - Круасси.—Гавань Санъ - Антонио.—Крѣпость для шутки.—Португальская таможня.—Далеко не триумфальный въѣздъ въ городъ.—Превосходный приѣмъ у г. Беттанкура.—Мы превращаемъ его залъ въ госпиталь.—Докторъ изъ Макао.—Негры и негровладѣльцы.—Виноватые невольники.—Свободные наймы 1878 г.—Они дадутъ новый толчекъ торговлѣ черными.—Положеніе невольниковъ на островѣ Принца.—Санъ-Антонио.—Мертвый городъ.—Черные падре.—Суевѣріе жителей.—Церемонія праздника тѣла Господня.—Парикмахеръ убійца.—Пакетъ приходитъ изъ Конго.—На *Бенгуэлъ*.—Мы представляемъ жалкій видъ.—Коммунистъ.—Звѣринецъ въ носовой части.—Госпиталь въ кормовой.—Аптекарь, его носъ и флейта.—Коринна и ея арфа.—El senor commandador Yacinto Carneiro de Souza y Almeida.—Плохой завтракъ.—Обжоры.—Англійскій механикъ *Бангуэлы*.—Месть и мистификація.—Острова Зеленаго мыса.—Сантьяго.—Сентъ-Винцентъ.—Смерть Сильва.—Ему отдають послѣднія почести.—Всеобщее улучшение здоровья.—Мадера.—Истребленіе фруктовъ и мороженаго.—Легенда о Машенѣ.—Отъ поэзіи къ дѣйствительной жизни.—Виноградники Мадеры, ихъ настоящее состояніе.—Прибытіе въ Лиссабонъ.—Прощаніе съ читателемъ.

Въ это время Пиластръ страдалъ жестокими припадками начинающейся желчной лихорадки, страшной болѣзни, отъ которой трудно вылечиться въ этомъ климатѣ; лишь только ему стало полегче, онъ почувствовалъ сильную потребность и горячее желаніе вернуться во Францію. Не желая остаться выжидать прибытія, теперь весьма со-

мнительнаго, португальскаго пакебота, онъ рѣшился добратся до острова Принца на принадлежавшей ему шкунѣ и пересѣсть на португальскій пакеботъ, пристающій у острова по пути изъ Сентъ-Поль де Лоанда (Конго) въ Лиссабонъ; онъ предложилъ намъ ѣхать съ нимъ; мы, конечно, съ радостью приняли это предложеніе. Португальскій пакеботъ долженъ былъ остановиться у острова Принца 3-го или 4-го іюня; переѣздъ отъ Габона до этого острова требуетъ, обыкновенно, не болѣе тридцати часовъ; но для большей увѣренности въ томъ, что не опоздаемъ, мы назначили отъѣздъ на 21 мая. 20-го, послѣ прощальнаго завтрака у г. Пиластръ, мы взяли письма и разнаго рода порученія, которыя давались намъ со всѣхъ сторонъ. 21-го, распрощавшись въ послѣдній разъ съ дорогими друзьями, которымъ были обязаны если не полнымъ выздоровленіемъ, то по крайней мѣрѣ возможностью пуститься въ путь, мы взошли на палубу *Алисы*, которая снялась съ якоря въ семь съ половиною часовъ утра. Флагъ на *Кордельертъ* опустился, салютуя нашъ отъѣздъ, и мы долго слѣдили за бѣлыми платками, которые развѣвались въ знакъ прощанія. Надо было проѣхать всего сто тридцать пять миль, и въ хорошее время года слѣдовало почти навѣрно ожидать попутнаго вѣтра. Кромѣ того, *Алиса*, *ex-Вернонь-Круасси* была отличный ходокъ на парусахъ. Г. Евгений Пиластръ, смерть котораго почти одновременно съ кончиною его брата Павла привела въ уныніе нашу колонію, добылъ эту шкуну въ Руанѣ и послалъ въ Атлантическій океанъ. *Алиса*, построенная для невинной гонки судовъ, тѣмъ не менѣе отлично вела себя на океанѣ и въ сорокъ пять дней совершила переходъ отъ Гавра въ Габонъ. Къ вечеру, въ день нашего отъѣзда, мы могли видѣть высокія горы на островѣ Принца. Мы провели ночь, лавируя въ виду острова, а на другой день, до восхода солнца, вошли въ портъ; хотя мы были очень нездоровы и не расположены ничѣмъ восхищаться, тѣмъ не менѣе были очарованы окружающимъ насъ пейзажемъ. Передъ нами, въ глубинѣ гавани, раскинулся городокъ Санъ-Антоніо у подножія горы, вершина которой терялась въ облакахъ, налѣво и направо тянулись высокіе холмы, покрытые роскошной тропической растительностью. Насъ окружали со всѣхъ сторонъ великолѣпныя пальмовыя рощи и богатыя плантаціи кофе и какао; повсюду разстилались зеленѣющія поляны, на которыхъ мѣстами выдѣлялись

ослѣнительно бѣлѣвшія на солнцѣ виллы португальскихъ негоціантовъ. Мы прошли передъ фортомъ, защищающимъ гавань Санъ-Антоніо; это ничто иное какъ огромная развалина, на верху которой важно стоятъ на часахъ два или три полунагіе солдата; въ крѣпости десять человѣкъ гарнизона и дюжина пушекъ; впрочемъ пользоваться этими разрушительными орудіями не совсѣмъ безопасно, потому что, когда въ прошломъ году вздумали салютовать, по обычаю, новаго комманданта, половина крѣпости рухнула при первомъ пушечномъ залпѣ. Гавань оказалась пуста; тамъ была только канонирская лодка губернатора, да двѣ или три негрскія шкуны. Мы бросили якорь въ небольшомъ разстояніи отъ города, но пришлось ожидать португальскихъ таможенныхъ, которые усердно стараются стянуть что-нибудь съ нѣсколькихъ судовъ, ежегодно привозящихъ какіе-нибудь товары и увозящихъ съ собою нѣсколько мѣшковъ какао или кофе. Пока мы вели переговоры насчетъ нашей поклажи, на *Амису* пріѣхалъ джентельмэнъ весьма представительной наружности и бросился въ объятія нашего друга Пиластра; это былъ негоціантъ съ острова Принца, г. Беттанкуръ, предки котораго прославились въ исторіи открытія Мадеры и Канарскихъ острововъ; онъ въ продолженіи многихъ лѣтъ былъ коротко знакомъ съ семействомъ г. Пиластра, который представилъ насъ джентельмэну..... Г. Беттанкуръ пожалъ намъ руки и просилъ распоряжаться его домомъ, какъ нашимъ собственнымъ. По окончаніи таможеннаго осмотра, его вельботъ перевезъ насъ на берегъ, и мы отправились къ нему въ домъ; пришлось пройти часть города. Пиластръ, утомленный и безсильный, едва волочилъ ноги; мостовая, или скорѣе острые камни на улицахъ, представляла не совсѣмъ пріятный путь для моихъ босыхъ ногъ, и я тащился съ грѣхомъ пополамъ. Было воскресенье; горожане, въ своихъ лучшихъ нарядахъ, стоя большею частью у дверей домовъ, изумленно смотрѣли на гостей, которыхъ привелъ г. Беттанкуръ. Не смотря на то, что разстояніе, которое надо было пройти, не превышало одного километра, я думалъ однако, что мы никогда не придемъ. Но все имѣетъ свой конецъ; черезъ часъ времени мы, всѣ трое, лежали въ большой залѣ г. Беттанкура, преобразованной въ госпиталь, и г-жа Беттанкуръ, любезная и премилая женщина, ухаживала за нами такъ, какъ могутъ ухаживать въ родной

семьѣ. Оказанное намъ гостепрїимство было, безъ сомнѣнія, совершенно безпристрастно, такъ какъ мы оказались весьма жалкими собесѣдниками. Одинъ изъ насъ, бывшій въ состояніи держаться на ногахъ, именно мой товарищъ Маршъ, не придумалъ ничего лучшаго, какъ на другой день по прїѣздѣ отправиться на охоту за однимъ видомъ металлическаго дрозда (*lamproscossus ignitus*), который отличается блестящимъ опереніемъ и водится только на островѣ Принца; онъ не убилъ *lamproscossus ignitus*, но за то получилъ горячку съ сильными рвотами и принужденъ былъ восемь дней не вставать съ постели. У меня нога страшно распухла, такъ что я не могъ ступить безъ невыносимой острой боли. На островѣ былъ докторъ, но я не рѣшался пригласить его, такъ какъ зналъ, что доктора на Западномъ берегу Африки часто требуютъ за визитъ десять или пятнадцать піастровъ (пятьдесятъ или шестьдесятъ пять франковъ); но мой хозяинъ сообщилъ, что докторъ, о которомъ шла рѣчь, гораздо умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ, и я согласился пригласить его. Это былъ индусъ, какъ мнѣ кажется, уроженецъ португальской колоніи Макао; его мѣднокрасноватый цвѣтъ кожи и странныя пріемы вначалѣ не внушали къ нему довѣрія, но впоследствии я былъ радъ, что попалъ къ нему въ руки. Онъ отлично зналъ мою болѣзнь, весьма обыкновенную на Западномъ берегу, и вмѣсто того чтобы стараться заживить раны, какъ это часто дѣлаютъ европейскіе доктора, онъ растравилъ ихъ, съ цѣлю удалить все нагноеніе и очистить кровь. Я привожу эти, не очень прїятныя для уха подробности, желая предостеречь путешественниковъ, которые могутъ прїѣхать послѣ насъ; обратное леченіе этой болѣзни часто приводитъ къ весьма печальнымъ результатамъ.

Нѣсколько португальцевъ, составлявшихъ европейскую колонію на островѣ Принца, часто посѣщали нашего хозяина и были очень любезны съ нами; въ ихъ присутствіи я всегда старался заводить разговоръ о предметѣ, весьма интересовавшемъ меня, именно о невольничествѣ. Извѣстно, что островъ Принcipe, Санъ-Томе и португальскія колоніи Конго, единственныя учрежденія, принадлежащія европейской державѣ, въ которыхъ допускается невольничество. Островъ Принца (по португальски *Príncipe*) представляетъ страну рабства и мало того—мѣсто дѣятельной торговли невольниками. Всѣ

наши посѣтители были крупные негровладѣльцы, но въ нашемъ присутствіи вели себя нѣсколько сдержанно; они не любили толковать о торговыхъ спекуляціяхъ невольниками на глазахъ французовъ, которые, очевидно, считали невольничество чудовищнымъ явленіемъ. Впрочемъ иногда, забывая о нашемъ присутствіи или просто не желая стѣсняться передъ нами, они весьма комично жаловались на убыточность спекуляцій человѣческимъ мясомъ:—«Вы изъ Габона, сказалъ мнѣ однажды одинъ изъ нихъ,—это прескверная страна».— Да, не особенно хорошая, отвѣчалъ я, не подозрѣвая значенія, которое придавалъ этому эпитету мой собесѣдникъ.—«Я далъ себѣ слово никогда не покупать габонскихъ невольниковъ, хотя бы мнѣ уступали 50 процентовъ съ курсовой цѣны; представьте, пять недѣль тому назадъ я былъ въ Габонѣ *по случаю* тридцати невольниковъ; я далъ за нихъ хорошую цѣну. Что-же вы думаете, пятнадцать изъ нихъ позволили себѣ умереть, а одиннадцать бѣжали, и для этой цѣли самымъ наглымъ образомъ воспользовались моею лучшей шкуною. Эти габонцы большіе негодяи».—«Послушайте, говорилъ мнѣ другой, островъ Принчипе въ полномъ упадкѣ; во времена моего покойнаго отца за лучшихъ невольниковъ платили по сту и сто пятидесяти франковъ; они работали четырнадцать часовъ въ сутки и не жаловались; теперь за нихъ просятъ отъ семи до восьмисотъ франковъ и, при первомъ ударѣ плети, они убѣгають въ горы. Какъ желательно, чтобы поскорѣе наступилъ 1878 годъ, эпоха всеобщаго отпущенія на волю!»—«Мы желаемъ всеобщаго отпущенія на волю»: таковъ общій голосъ, раздающійся въ настоящее время изъ устъ плантаторовъ Принчипе, Сантъ-Томе, Лоанда, Бонна, однимъ словомъ всего берега Конго; съ перваго раза это покажется непонятнымъ, а между тѣмъ оно весьма логично, и вотъ почему. Въ силу португальскаго закона, недавно вотированнаго палатами, начиная съ 1878 г. рабство уничтожается, невольниковъ больше не будетъ; но собственники, которымъ необходимы рабочіе для обработки земли и другихъ надобностей, получаютъ право производить *свободные наймы*, другими словами—имъ дозволяется вывозить изъ какихъ угодно мѣстъ Африки негровъ и удерживать ихъ при себѣ; негры, получивъ впередъ извѣстную плату, обязаны работать на плантаторовъ въ продолженіи извѣстнаго времени. Въ теоріи эта система примѣнима для Африки

такъ, какъ примѣняется она для найма китайскихъ и индусскихъ рабочихъ; на практикѣ же она совершенно несостоятельна; рабочіе индусы и китайцы сами приходятъ наниматься къ англійскому чиновнику, превосходно говорящему на ихъ языкѣ; онъ обязанъ наблюдать за тѣмъ, чтобы этотъ наемъ не былъ вызванъ какими-либо принудительными мѣрами; наемники перевозятся въ назначенныя для нихъ колоніи, напр. въ Ямайку, гдѣ мнѣ случилось видѣть, какъ они пріѣхали въ большомъ числѣ на шкунѣ, везя съ собою доктора и англійскаго надсмотрщика. По пріѣздѣ, они сдаются собственникамъ, которые обязываются заботиться о нихъ, выдавать имъ съѣстные припасы и жалованье, опредѣляемое подряднымъ тарифомъ. Въ самой колоніи существуетъ особый инспекторъ, который обязанъ смотрѣть за соблюденіемъ предписанныхъ условій и за тѣмъ, чтобы нанятые рабочіе, по прошествіи срока найма, были обратно отвезены въ отечество, если того пожелаютъ. Не смотря на всѣ эти предосторожности, англійская и американская печать нерѣдко приводитъ случаи злоупотребленій наймомъ рабочихъ. Чего-же, послѣ того, можно ожидать въ западной Африкѣ! Предприниматель *свободнаго найма*, ех-негро-торговецъ, отправится миль за полтораста внутрь страны, гдѣ представится туземному королю, съ цѣлію *свободно нанять* сотню невольниковъ.

Король, получивъ хорошее вознагражденіе и хорошую порцію рома, объявитъ своимъ несчастнымъ подданнымъ, что имъ предоставляется полная свобода, подъ страхомъ смерти, слѣдовать за иностранцемъ, купившимъ ихъ; при этомъ онъ предупредитъ ихъ, что при малѣйшемъ возраженіи имъ перерѣжутъ горло. И вотъ португалецъ заберетъ свой грузъ негровъ, и торжественно пройдетъ подъ носомъ англійскихъ и французскихъ крейсеровъ, которые ничего не могутъ ему сдѣлать, такъ какъ *свободные наймы* допущены, и спокойно увезетъ негровъ на свою плантацію въ Сантъ-Томе, Конго или Принчипе; тамъ его наемникамъ будетъ опять предоставлена полная свобода работать до конца жизни, подъ страхомъ бичеванія внудомъ и разнаго рода наказаній. И такъ, въ сущности это мнимое уничтоженіе рабства будетъ лишь перемѣною формы рабства, которое снова приведетъ въ цвѣтущее состояніе торговлю невольниками, въ настоящее время отчасти упавшую на Западномъ берегу. Такимъ об-

разомъ смотрять на освобожденіе и владѣльцы рабовъ, встрѣченныя мною въ Африкѣ, причемъ вовсе не стараются скрывать своихъ расчетовъ. Начавъ говорить о невольничествѣ въ этихъ странахъ, я долженъ, по справедливости, замѣтить, что на островѣ Принца положеніе невольниковъ далеко не такъ плачевно, какъ можно предполагать; здѣсь, какъ и на Западномъ берегу, невольники раздѣляются на двѣ различныя категоріи: въ первой принадлежатъ люди, состоящіе при особѣ ихъ хозяина въ качествѣ лакеевъ, поваровъ, нянекъ и проч., и потому живутъ въ одномъ съ нимъ домѣ; съ ними почти всегда обращаются очень снисходительно; у Беттанкура, на примѣръ, они, можно сказать, считаются членами самой семьи хозяина. Ко второму разряду принадлежатъ невольники, употребляемые для обработки полей, особо для банановыхъ плантацій, особо для кофейныхъ, для какао и т. д. Эти не такъ счастливы, потому что непосредственно подчинены надсмотрщику, который обыкновенно личность далеко не изъ пріятныхъ, воруетъ съѣстные припасы и не жалѣетъ плети; впрочемъ, многіе помѣщики, подобно нашему хозяину, сами наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы съ рабочими не обходились по звѣрски и примѣняли тѣлесныя наказанія лишь въ крайнихъ случаяхъ. Однако такая мягкость обращенія вызвана не однимъ только челоуколюбіемъ, но также необходимостью хорошей администраціи: свирѣпыя плантаторы могутъ быть увѣрены, что большая часть ихъ невольниковъ убѣжить изъ подъ тяжелаго ярма. Въ лѣсахъ и на недоступныхъ горныхъ высотахъ живетъ, питаясь почти исключительно кореньями и дикорастущими плодами, цѣлый народъ, образовавшійся изъ бѣглыхъ невольниковъ, которые въ продолженіи двухъ вѣковъ уходили отъ своихъ хозяевъ и предпочитаютъ жалкую жизнь бѣдствіямъ рабства; эти несчастные люди составили наконецъ многочисленное племя; ихъ очень боятся въ долинахъ; но до сихъ поръ всѣ ихъ враждебныя дѣйствія ограничивались разграбленіемъ нѣсколькихъ сосѣднихъ къ горамъ плантацій, да кражею вѣсколькихъ заблудившихся козъ. Они всегда готовы принять бѣглеца, предложить ему убѣжище и раздѣлить съ нимъ скудную пищу. Иногда невольники, при невыносимомъ обращеніи хозяина, пользуясь бурной ночью, отвязываютъ одну изъ шеунъ, находящихся въ гавани, выѣзжаютъ въ открытое море и, безъ съѣстныхъ припасовъ, не имѣя

другого путеводителя, громъ звѣздъ, стараются достигнуть Габона, гдѣ надѣются получить свободу. За мѣсяць до нашего прїѣзда десять черныхъ убѣжали такимъ образомъ на небольшомъ суднѣ и, кажимъ-то чудомъ, добрались до нашей колоніи, гдѣ были хорошо приняты и переданы на попеченіе миссіи.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, чувствуя себя лучше, я могъ прогуливаться по городу, опираясь на костыль. Нѣкоторые дома негоціантовъ довольно красивы на видъ и разукрашены; но общій видъ Сантъ--Антоніо самый печальный. Пустынные улицы поросли травой, масса домовъ лежитъ въ развалинахъ; одинъ только кварталъ черныхъ нѣсколько оживленъ, да и тотъ построенъ на сваяхъ, среди заражающихъ воздухъ болотъ; тамъ господствуетъ страшная нищета. Островъ Сантъ-Томе, лежащій отъ острова Принца въ небольшомъ разстояніи и также принадлежащій португальцамъ, находится въ цвѣтущемъ состояніи и развиваетъ обширную торговую дѣятельность, а островъ Принчипе представляетъ полное отцвѣтаніе. «Сантъ-Антоніо мертвый городъ, съ грустью замѣчалъ г. Беттанкуръ, которому пришлось провести свою жизнь въ этомъ забытомъ уголкѣ земли. Въ прежнія времена въ Сантъ-Антоніо было пять церквей и многочисленное духовенство; теперь три изъ этихъ церквей въ развалинахъ, остальные обветшали; при церквяхъ были прежде португальскіе священники, а теперь нѣсколько падре, и тѣ всѣ негры, притомъ не безукоризненнаго поведенія. Весьма плачевно, что португальская религіозная нетерпимость не допускаетъ миссіонеровъ ордена Іезуитовъ или Святаго-Духа поселиться на островѣ Принца, потому что населеніе этихъ странъ миролюбиво, добронравно и воспримчиво къ вѣрѣ; къ сожалѣнію въ ихъ слабыхъ, склонныхъ къ фетишизму умахъ, дурно направляема вѣра часто превращается въ грубое суевѣріе. Посреди одной изъ полуразрушенныхъ церквей, о которыхъ я упоминалъ, находится двѣнадцать деревянныхъ статуй, вышиною около четырехъ футовъ и хорошей работы; онѣ изображаютъ двѣнадцать апостоловъ, которымъ поклоняются туземцы: здѣшніе негры почитаютъ статуи святыхъ точно такъ, какъ габонцы поклоняются своимъ деревяннымъ іасси. Впрочемъ у каждаго негоціанта есть статуя какого нибудь святаго, котораго онъ избираетъ своимъ патрономъ. При наступленіи дня святаго, статуя его торже-

ственно вносится въ церковь, гдѣ падре совершаетъ мессу въ честь святаго. Въ теченіи всей слѣдующей недѣли, всѣ невольники, принадлежащіе обладателю статуи, и даже всѣ его друзья, празднуютъ день торжества и каждый вечеръ шлепуть «бамбуля» передъ изображеніемъ патрона. Этотъ родъ праздниковъ повторяется очень часто, перѣдко два или три раза въ недѣлю; но главное мѣстное торжество— это праздникъ тѣла Господня, на которомъ и намъ пришлось присутствовать. Коммендантъ въ полной формѣ, гарнизонъ острова и негоціанты въ черномъ платьѣ открываютъ шествіе; затѣмъ слѣдуютъ всѣ мѣстные негры и негритянки въ своихъ лучшихъ костюмахъ. На пути устроено пять, шесть алтарей, роскошно убранныхъ великолѣпными цвѣтами, изобильно растущими въ этихъ странахъ. Шествіе останавливается передъ каждымъ алтаремъ, причемъ поютъ какой нибудь священный гимнъ, а солдаты безпрестанно дѣлаютъ залпы. Церемонія продолжается до заката солнца.

Наше пребываніе на островѣ Принца затянулось на десять дней сверхъ ожиданія, такъ какъ португальскій пакеботъ очень запаздаль, что, повидимому, часто съ нимъ случается. Этотъ пакеботъ принадлежитъ одному англійскому обществу, успѣшно ведущему свои операціи. Фрахтъ въ этомъ обществѣ гораздо дешевле другихъ и плата за провозъ (до Лиссабона) въ первомъ классѣ полагается 600 франковъ, вмѣсто 1300; самъ пароходъ въ высшей степени неудобенъ для проѣзжающихъ; но португальцы, составляющіе большую часть экипажа, привыкли на судахъ своей націи еще къ меньшимъ удобствамъ, и потому не жалуются. Какъ-бы то ни было, мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали прибытія парохода. Кромѣ непріятнаго сознанія, что мы такъ долго стѣсняемъ нашихъ любезныхъ хозяевъ; кромѣ сильнаго желанія поскорѣе вернуться въ отечество, насъ беспокоила мысль, что мы можемъ не найти мѣста на пакеботѣ; а это, повидимому, случалось перѣдко въ это время года, когда большинство негоціантовъ Конго переправляется въ Европу; впрочемъ мы дали себѣ слово лучше ночевать на палубѣ или пристроиться въ помѣщеніи для животныхъ, чѣмъ ожидать еще мѣсяць. Къ счастью, намъ не пришлось прибѣгать къ этой крайности. 8-го іюня, въ полдень, дали знать о прибытіи пакебота, который не захо-

тѣлъ войти въ гавань, а остановился въ открытомъ морѣ, на разстояніи около мили. Онъ долженъ былъ отправиться въ одиннадцать часовъ вечера. Каждый изъ насъ постарался привести себя въ болѣе или менѣе приличный видъ; я надѣлъ на босыя ноги туфли, въ шесть разъ большія самой ноги, и поручилъ обстричь свои черезчуръ длинныя волосы мѣстному парикмахеру. Это былъ солдатъ, посланный на островъ Принца. Пока онъ стригъ волосы, я узналъ, что его осудили за убійство двухъ товарищей; въ этомъ не было ничего особенно утѣшительнаго. Къ счастью я отдѣлался отъ него нѣсколькими бранными словами, адресованными мнѣ при выдачѣ ему двухъ франковъ за работу. Если бы онъ зналъ, говорилъ онъ, что его приглашаютъ стричь голову такому скрагѣ, то конечно не сталъ бы беспокоиться. Въ восемь часовъ вечера, отблагодаривъ въ сотый разъ г-жу Беттанкуръ за ея попеченія, Маршъ, Пиластръ и я въ сопровожденіи нашего хозяина отправились къ вельботу, который долженъ былъ отвезти насъ на пакеботъ. Я не въ состояніи былъ ходить, и хозяинъ предложилъ мнѣ носилки, употребляемыя въ настоящее время колонистами для перемѣщеній внутри острова. Эти носилки, въ видѣ кресла, похожи на тѣ, которыя два столѣтія тому назадъ употреблялись во Франціи, и очень удобны; однако земля была такъ скользка, а ночь до того темна, что мой передовой носильщикъ клюнулся носомъ, а задній совѣмъ бросилъ носилки, вслѣдствіе чего я получилъ толчекъ, стоившій мнѣ продолжительныхъ страданій. Мы причалили къ *Венгуэль*, такъ назывался португальскій пароходъ, — около десяти съ половиною часовъ и, распростившись съ г. Беттанкуромъ, поднялись на палубу. Палуба до такой степени была загромождена тюками хлопчатой бумаги, кофе и какао, что мы съ большими усиліями пробились къ лѣстницѣ, которая вела въ пассажирскій залъ; мы нашли тамъ общество, состоявшее изъ многихъ мужчинъ и нѣсколькихъ дамъ, игравшихъ въ разныя, болѣе или менѣе невинныя игры. Всѣ эти господа презрительно взглянули на наши жалкія фигуры, на поношенныя костюмы, и продолжали свои занятія: съ нами *портыли*. Съ большимъ трудомъ добились мы *тозо* (половаго), который указалъ намъ наши койки. Пиластра помѣстили въ самой кормѣ, а меня съ Маршемъ въ маленькой каютѣ съ тремя койками; на одной изъ коекъ какой-то толстый господинъ въ ко-

стюмъ или, скорѣе, совсѣмъ безъ костюма, что заставило бы покраснѣть даже пагуинца, храпѣлъ какъ гиппопотамъ. Разбитые усталостью, мы легли, не раздѣваясь, и вскорѣ заснули такъ крѣпко, что даже шумъ и громъ пакебота, поднимающаго якорь, не могли разбудить насъ. Въ шесть часовъ утра я былъ разбуженъ толстымъ господиномъ, который одѣвался; онъ уже нѣсколько времени занимался своимъ туалетомъ, наконецъ взялъ мою зубную щеточку, лежавшую на полкѣ, и прехладнокровно началъ чистить ею зубы. «Милостивый государь, сказалъ я ломанымъ португальско-испанскимъ языкомъ, вы взяли мою зубочистку». — «Милостивый государь, спокойно отвѣчалъ онъ, у меня взяли мою.» Возражать на это было нечего; но лишь только онъ вышелъ, я поспѣшилъ вымыть съ мыломъ мою зубочистку и припрятать подальше. Нѣсколько минутъ спустя, я вышелъ осмотрѣть *Венуэлу*. Прежде всего я сразу замѣтилъ, что носовая часть была превращена въ обширный звѣринецъ, а корма въ госпиталь, наполненный больными; на носу помѣщалось отъ пятнадцати до шестнадцати видовъ обезьянъ, одна злѣе другой, начиная съ большаго папіона и кончая маленькой мартышкою или африканскимъ увитити; кромѣ того, я насчиталъ полтора ста попугаевъ сѣрыхъ съ краснымъ хвостомъ; это одна изъ самыхъ неугомонныхъ, крикливыхъ птицъ; далѣе тамъ было столько же красноголовыхъ попугайчиковъ и масса другихъ птицъ всякихъ породъ и величинъ; прибавьте къ этому толпу дѣтей, которыя кричали кто во что гораздъ, дразнили обезьянъ и забавлялись съ попугаями. Весь этотъ шумъ былъ невыносимъ; я скрылся на корму. Здѣсь картина перемѣнялась: три четверти пассажировъ, изнуренные убійственнымъ береговымъ климатомъ, лежали на длинныхъ креслахъ или въ полуоткрытыхъ каютахъ, мучимые болѣзнями всякаго рода. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. одинъ американецъ, г. Сильва, и португалецъ г. Моран, бразильскій консулъ въ Лоанда, переживали, по-видимому, послѣднія минуты. У г. Моранъ было нѣсколько дѣтей и молодая, прелестная жена, которая ни на минуту не отходила отъ мужа, хотя сама была очень больна. Среди всѣхъ этихъ страждущихъ, докторъ, человекъ весьма любезный, умный и образованный, не зналъ за что ему приняться, и бѣгалъ отъ одной каюты къ другой въ сопровожденіи своихъ фельдшеровъ, разносившихъ всевозможныя ле-

варства. Я ушелъ отъ этого мало-утѣшительнаго зрѣлища на палубу, гдѣ уже собралось все здоровое общество; оно состояло изъ двѣнадцати мужчинъ и нѣсколькихъ дамъ. За исключеніемъ капитана, человѣка вѣжливаго и порядочнаго, все это общество представляло собраніе весьма комическихъ типовъ. Изъ числа наиболѣе интересныхъ выдавался колониальный аптекаръ съ сѣдыми волосами и колоссальнымъ носомъ, который безпрестанно преслѣдовалъ насъ пискливыми звуками своей флейты; этотъ аптекаръ недавно женился на весьма молодой особѣ, весьма эмансипированной, которая говорила по-французски и была очень сильна въ исторіи Франціи, усердно изучаемой ею по Александру Дюма; она, безъ всякой жалости, играла на огромной арфѣ и почти каждый вечеръ въ компаніи съ мужемъ и третьимъ офицеромъ парохода, то-же усерднымъ флейтистомъ, задавала концерты, часто продолжавшіеся очень поздно. Корина—имя, которое мы ей дали, ѣхала въ обществѣ двухъ креолокъ изъ Конго, бывшихъ замужемъ за негоціантами Лоанда; онѣ одѣвались въ пестрые костюмы, придававшіе имъ видъ разряженныхъ обезьянъ, и кокетничали на-пропалую. Одинъ офицеръ португальскаго флота, поэтъ и усердный пѣвецъ романсовъ, жестоко ухаживалъ за ними. Съ нами ѣхалъ еще генералъ ордена іезуитовъ, *el Senhor commandador* Яцинто Карнеро ди Суза и Альменда. Это былъ чистокровный негръ, но очень богатый, носившій, ужъ не знаю почему, фамилію, весьма извѣстную въ Португаліи. Впрочемъ этотъ коммандадоръ не лишенъ былъ образованія; онъ порядочно говорилъ на нашемъ языкѣ и никуда не ѣздилъ, не захвативъ съ собою томовъ двадцати Александра Дюма; онъ любилъ говорить о невольничествѣ, горько жалуясь на мягкое обращеніе съ невольниками въ настоящее время, не дѣлалъ ни шагу безъ своего каммердинера Доминго и, благодаря своему огромному состоянію, пользовался большимъ почетомъ на пароходѣ. Съ перваго-же дня онъ присосѣдился къ намъ и засыпалъ насъ разспросами о Парижѣ, который, по его словамъ, онъ долженъ былъ посѣтить черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ; онъ хотѣлъ знать, можно ли тамъ жить со всѣми удобствами, издерживая не болѣе двухсотъ франковъ въ день, и особенно желалъ получить свѣдѣнія о кордебалетѣ Оперы, описанія котораго, вычитанныя имъ въ какомъ-нибудь романѣ, живо подѣйствовали на его

воображеніе. — Коммандадоръ и одинъ офицеръ морской пѣхоты, большой весельчакъ, всегда готовый подтрунивать надъ своими спутниками, впрочемъ добрый малый, весьма услужливый и вѣжливый, были единственные лица, съ которыми мы познакомились на пароходѣ. Остальная часть общества, не принадлежавшаго къ числу не покидавшихъ койки, состояла изъ нѣсколькихъ личностей, покрытыхъ драгоценными украшеніями въ самомъ мѣщанскомъ вкусѣ; они имѣли факторіи въ разныхъ пунктахъ внутри страны и покупали безразлично хлопчатую бумагу, фисташки и негровъ.

Въ девять часовъ колокольчикъ позвалъ къ завтраку; столъ изобиловалъ блюдами, приготовленными на маслѣ, съ чеснокомъ и перцемъ, не считая разныхъ печеній весьма дурнаго качества. Когда всѣ усѣлись, каждый набросился на свое любимое блюдо, захватывая такія огромныя порціи, что вскорѣ для запоздавшихъ ничего не оставалось; особенно набрасывались на *bacalao* (треску), и въ этотъ день, какъ и въ послѣдующіе, уничтожали ее въ огромномъ количествѣ. Подлѣ меня сидѣлъ огромный господинъ съ рыжими волосами и четырехугольной головою, открывавшій ротъ только для ѣды; онъ походилъ на злаго бульдога и, очевидно, былъ не португалець. На всякій случай я заговорилъ съ нимъ по-англійски; при звукахъ этого языка, который оказался его роднымъ, физіономія его просіяла. «Милостивый государь, сказалъ онъ, вы англичанинъ?»—Нѣтъ, я французъ.—«Это ничего, это ничего! Я очень радъ встрѣтить образованнаго человѣка, съ которымъ можно поговорить. Я механикъ на «Бенгуэлѣ» и, кромѣ одного негодяя, вѣчно пьянаго, я одинъ англичанинъ на пароходѣ; вотъ уже два мѣсяца какъ я не говорилъ ни съ одной живой душою, потому что скорѣе соглашусь отрѣзать себѣ языкъ, чѣмъ завести разговоръ съ этими *damned brutes*, португальцами—Конго». И, какъ-бы желая вознаграждать потерянное время, онъ началъ изливать весь свой запасъ желчи противъ офицеровъ, машины, пассажировъ, прислуги; онъ перебралъ ихъ всѣхъ по косточкамъ. Впрочемъ, механикъ не терялъ времени понапрасну. Онъ мстилъ, и его жестокая месть состояла въ томъ, чтобы разыгрывать разные штуки съ пассажирами, наиболѣе раздражавшими его нервы.

Большая часть изъ нихъ имѣла своихъ животныхъ; на этихъ животныхъ, главнымъ образомъ, и вымещалъ свое негодованіе меха-

ниѣ. Онъ до такой степени раздражалъ обезьянъ, что хозяева, приходившіе затѣмъ посмотрѣть на нихъ, получали жестокія укушенія. Попугаи съ нами ѣхали разныхъ сортовъ: одни изъ нихъ, недавно пойманные и потому дикіе, набиты были дюжинами въ одну ивовую корзину; другіе, болѣе общительные и разговорчивые, сидѣли въ великолѣпныхъ клѣткахъ и пользовались въ изобиліи разными лакомствами. Ночью механикъ подмѣнялъ какую-нибудь изъ этихъ избранныхъ птицъ самымъ непріятнымъ и крикливымъ обитателемъ корзины. Однажды онъ придумалъ обрѣзать хвостъ и обрить голову великолѣпному попугаю, котораго общительность и разнообразная болтовня служили пріятнымъ развлеченіемъ для всѣхъ пассажировъ; бѣдный попугай, въ отчаяніи, не произнесъ больше ни слова съ этого времени и сдѣлался злымъ. Отсюда не трудно понять бури, вызванныя на пароходѣ этими шутками, далеко не изящными, надо сознаться; но ни разу, не смотря на самыя тщательныя розыски, не удавалось открыть ихъ изобрѣтателя. Мы одни только обладали тайною и, признаюсь, имѣли слабость смѣяться. Впрочемъ, мы на все смотрѣли съ болѣе комической точки зрѣнія, и пароходное общество не мало забавляло насъ; на португальскомъ пакеботѣ, правда, обстановка совсѣмъ не та, что на трансатлантическихъ судахъ: прислуга здѣсь была очень грубая и отличалась замѣчательной нечистоплотностью; удобствъ, какія обыкновенно встрѣчаешь на большихъ пароходахъ, вовсе не существовало. Впрочемъ на все можно смотрѣть относительно: *Венуэла* казалась намъ раемъ въ сравненіи съ большими пирогами Огоуэ. Къ сожалѣнію, по прошествіи нѣсколькихъ дней, г. Пиластръ опять подвергся припадкамъ желчной горячки и серьезно заболѣлъ.

На восьмой день послѣ отъѣзда мы увидѣли землю: это былъ Сантьяго, одинъ изъ острововъ Зеленаго мыса, расположенный подъ 23 градусомъ широты, почти на одной высотѣ съ Сенегаломъ. *Венуэла* должна была сдѣлать здѣсь полный запасъ угля и слѣдовательно остановиться на сутки. Маршъ и я, пользуясь этой остановкою, отправились на островъ. Здѣшняя мѣстность, весьма гористая, поражаетъ тою сухостью и отсутствіемъ растительности, которыя придаютъ островамъ Зеленаго мыса видъ настоящей пустыни. Правда, городъ, построенный на европейскій ладъ, имѣетъ красивые дома,

зданіе суда, госпиталь и довольно замѣчательный рынокъ. Португальцы, при помощи ссыльныхъ преступниковъ, произвели на островѣ обширныя сооруженія, именно: гигантскую лѣстницу, ведущую къ вершинѣ холма, на которомъ построены городъ; но въ сущности во всемъ этомъ нѣтъ ничего интереснаго и особенно мало оригинальнаго. Сами туземцы не отличаются отъ жителей Сенегала, отъ которыхъ происходятъ многіе изъ нихъ. Однако жара была невыносимая; поэтому, позавтракавъ, впрочемъ очень плохо, въ одной изъ мѣстныхъ *fonda*, мы поспѣшили на пароходъ. Мы снялись съ якоря ночью и черезъ день были у Св. Винцента, другого острова, принадлежащаго къ группѣ острововъ Зеленаго мыса. Мы простояли здѣсь тридцать часовъ, также нагружаясь углемъ. Городъ Св. Винцента, если смотрѣть на него изъ гавани, совершенно похожъ на Сантьяго. Усталые и недовольные посѣщеніемъ предыдущаго города, мы не вышли на землю.

20-го іюня на *Венмуэлъ* происходилъ печальный обрядъ. Американецъ, по имени Сильва, составившій большое состояніе въ Конго и возвращавшійся въ свое отечество, съ тѣмъ чтобы не покидать его, не выдержалъ болѣзни, долго мучившей его. Еще за день передъ смертью бѣдняга описывалъ мнѣ предстоящія чудеса большой Филадельфійской выставки, на которой онъ рассчитывалъ присутствовать въ 1876 г. Онъ умеръ въ пять часовъ утра; въ три часа по полудни мы были созваны на палубу, чтобы отдать послѣдній долгъ праху его. Капитанъ тихимъ голосомъ прочиталъ нѣсколько молитвъ, трупъ завернули въ бѣлый саванъ, пушка дала сигналъ, флагъ опустили— и черезъ нѣсколько минутъ смертные останки бѣднаго милліонера навсегда исчезли въ волнахъ. Мы скрыли смерть Сильва отъ Пиластра, состояніе здоровья котораго представляло серьезныя опасенія. Съ нимъ ежеминутно повторялись сильныя припадки и часто онъ находился въ забытіи; тогда онъ воображалъ, что пріѣхалъ домой, и хотѣлъ непременно сойти на землю.

Въ продолженіи девяти первыхъ дней послѣ нашего отъѣзда изъ Св. Винцента, вѣтеръ былъ постоянно противный. *Венмуэла*, вообще плохой ходокъ, дѣлала не болѣе двухъ-трехъ узловъ въ часъ. Португальскіе пассажиры коротали время, усердно играя въ лото. Въ это время поэтическая Коринна забывала свою арфу и, превращаясь

въ отъявленную прозаистку, заводила ожесточенные споры съ старой дѣвою, бразиліанкою, собиравшейся пересѣсть на пакеботъ изъ Ріо въ Мадеру. Впрочемъ, настроеніе духа всѣхъ пассажировъ замѣтно ухудшалось: офицеръ морской пѣхоты имѣлъ страшную ссору съ своей женою и не нашелъ ничего лучшаго для ея укрощенія, какъ выбросить за бортъ свой огромный ящикъ съ поугайчиками; Коммандадоръ и одинъ негроторговецъ обмѣнялись крупными словами и едва не подрались на палубѣ. Въ состояніи больныхъ, съ приближеніемъ къ умѣренному поясу, напротивъ обнаруживалось замѣтное улучшеніе; наиболѣе серьезно больные, напримѣръ гг. Моран и Пиластръ, вскорѣ могли вставать и прохаживаться по пароходу. Когда 4-го іюля мы были въ виду Мадеры, въ каютахъ не лежало ни одного больнаго; всѣ собрались на палубѣ, готовясь выйти на землю. Мы съ истинной радостью высадились на знаменитый островъ; для насъ начинался цивилизованный міръ. Фюншаль, столица Мадеры, большой и прекрасный городъ; однако мы вовсе не занимались осмотромъ его достопримѣчательностей, а прежде всего отправились въ фруктовый магазинъ. Мы наполнили вишнями, абрикосами, сливами и грушами двѣ большія корзины и поручили мальчигу нести ихъ передъ нами. Къ большому удивленію жителей, мы ежеминутно останавливались и ѣли фрукты, которыхъ не пробовали уже два года и которые, что бы тамъ ни говорили, несравненно лучше тропическихъ фруктовъ. Вслѣдъ затѣмъ мы посѣтили мороженщика, и я стыжусь упоминать о количествѣ истребленнаго нами мороженаго. Въ слѣдующее посѣщеніе мы отправились покупать мадеру, только не къ городскимъ виноторговцамъ (они продаютъ иностранцамъ мадеру, фабрикованную въ Сеттѣ), а къ владѣльцу великолѣпныхъ садовъ, которому мы были хорошо рекомендованы; онъ уступилъ намъ по весьма умѣренной цѣнѣ два боченка превосходнаго вина. Наконецъ мы отправились пообѣдать въ гостиницу, и ѣли ростбифъ, какъ новое для насъ, лакомое блюдо. — Нечего и говорить, что послѣ такой прогулки мы *тяжело дышали*, возвращаясь на пароходъ. Я избавляю читателей отъ описанія Мадеры; это описаніе находится уже въ семи или восьми сочиненіяхъ, лучшихъ чѣмъ мое; я приведу здѣсь одинъ рассказъ, относящійся къ этому острову, который, хотя и старъ, но тѣмъ не менѣе интересенъ и, мнѣ кажется, почти неизвѣстенъ

во Франціи: это легенда о Машенѣ. Машенъ—англичанинъ, которому до сихъ поръ, почти единогласно, приписывалось открытіе Мадеры. Въ одномъ ученое сочиненіи, подъ заглавіемъ: «*As saudes da terra*», докторъ Гаспаръ Фрютюозо, профессоръ лицея въ Фуншалѣ, приписываетъ честь перваго посѣщенія Мадеры двумъ португальцамъ, Жону Гонзальвецу и Тристао Вацу, и старается доказать, что Машенъ лицо легендарное. Каковы-бы ни были его доказательства, я полагаю, что исторія объ англичанинѣ, въ томъ видѣ, какъ она изложена въ одной рукописи шестнадцатаго вѣка Родригецомъ Азеведо, вполне правдоподобна, тѣмъ болѣе что до сихъ поръ никто еще не опровергъ ея. «При королѣ Эдуардѣ, говоритъ Родригецъ Азеведо, жилъ храбрый рыцарь, по имени Машенъ. Онъ страстно любилъ высокопоставленную и могущественную дѣвицу Анну Гарфетъ и былъ любимъ ею; но такъ какъ любовь, «*como as causas odoríferas* (какъ предметы благоухающіе), *se nao pode encobrir aonde este encerrado* (не можетъ скрываться тамъ, гдѣ заключена), то родители молодой дѣвушки вскорѣ открыли эту обоюдную страсть. Не желая ни за что выдать ихъ дочь за господина Машена, они отвезли ее въ Бристоль и хотѣли принудить выйти за одного богатаго барона, котораго она не знала. Въ ту минуту когда долженъ былъ совершиться этотъ несчастный союзъ, Машенъ похитилъ любимую дѣвушку; затѣмъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей, сѣлъ на купленное имъ судно и распустилъ паруса, направивъ руль къ югу Франціи. Но на другой день въ открытомъ морѣ разыгралась сильная буря. Пять дней и пять ночей путниковъ гналъ яростный вѣтеръ. Въ продолженіи всего этого времени бѣдная Анна была тяжело больна. На шестой день они прибыли къ неизвѣстной землѣ и вошли въ открывшуюся передъ ними гавань. Найденная ими земля была покрыта лѣсами, «столь высокими и густыми¹⁾», что они испугались. Однако Анна Гарфетъ упрашивала своего возлюбленнаго высадить ее на берегъ «*para desmarear*», чтобы избавиться отъ морской болѣзни. Машенъ спустилъ лодку и отправился на землю съ нею и семью

¹⁾ По разсказамъ всѣхъ древнихъ путешественниковъ, Мадера была прежде покрыта густымъ лѣсомъ; отсюда и происходитъ названіе острова *Мадейра*, что означаетъ лѣсъ.

изъ своихъ спутниковъ. Остальные ожидали ихъ на суднѣ. Однако ночью бурю ихъ сорвало съ якоря и унесло въ открытое море. Съ наступленіемъ дня Анна была поражена, видя, что корабль уѣхалъ и она осуждена навсегда остаться на островѣ. «Она ничего не говорила и черезъ три дня умерла». Робертъ Машень вырылъ могилу для нея, и рядомъ другую—для себя. Онъ поставилъ подлѣ могилъ ерестъ съ надписью, прося первыхъ христіанъ, которые пріѣдутъ на островъ, построить на этомъ мѣстѣ церковь во имя Христа. Затѣмъ онъ раздѣлилъ все бывшее при немъ имущество между своими спутниками, посоветовалъ имъ сѣсть въ лодку и искать лучшей части. А самъ онъ говорилъ, что хочетъ умереть на томъ мѣстѣ, гдѣ «онъ убилъ» Анну Гарфеть. Спутники, тронутые его горемъ, отказались покинуть его, но съ этой минуты онъ пересталъ принимать пищу и умеръ послѣ пятидневныхъ страданій; его похоронили подлѣ любимой имъ дѣвушки. Отдавъ послѣдній долгъ другу, спутники пустились на легкой лодкѣ въ открытый океанъ. Попавъ сначала въ плѣнъ къ пиратамъ Марокко, они наконецъ прибыли въ Испанію, гдѣ рассказали королю все свои приключенія, и инфанту дону Генриху, прозванному Мореплавателемъ. Король и инфантъ отправили для открытія острова двухъ смѣлыхъ предпринимателей, Тристао Ваца и Жона Гонзальвеца, которые прибыли туда послѣ пятнадцатидневнаго плаванія и завладѣли островомъ именемъ своего властителя. Въ настоящее время предсмертное желаніе Машена исполнилось, и на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, поконится прахъ его и Анны Гарфеть, воздвигнута церковь во имя Спасителя.

Непосредственный переходъ отъ столь поэтическаго сказанія къ жизни чисто-прагматической покажется очень рѣзкимъ. Но мнѣ не хотѣлось бы оставлять Мадеры, не сообщивъ знатокамъ винъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи виноградниковъ острова производящихъ знаменитое вино. Въ продолженіи нѣкотораго времени, какъ извѣстно, приходилось вырывать все виноградныя лозы на островѣ и вина здѣсь нѣсколько лѣтъ вовсе не производилось, что не мѣшало однако виноторговцамъ, по-прежнему, продавать его. Но въ настоящее время бѣдствіе миновало: вновь отсаженные виноградники отлично принялись, сборъ превосходенъ и благоденствіе владѣльцевъ и любителей тонкаго вина не было-бы омрачено ни ма-

лѣйшимъ облачкомъ, если-бы на горизонтѣ не появилась черная точка: я разумѣю нашествіе страшныхъ *phylloxera*. Очень недавно корни въ нѣкоторыхъ лозахъ погибли отъ болѣзни, неизвѣстной на островѣ; многіе приписываютъ эту болѣзнь *phylloxera*. Другіе отвергаютъ участіе этого маленькаго, но весьма зловреднаго животнаго; однако крупные владѣльцы наполняютъ бочками свои погреба, запасая въ огромныхъ количествахъ вино и рассчитывая, что, въ случаѣ бѣдствія, оно будетъ продаваться на вѣсъ золота.

Приближается время проститься съ читателемъ, которому, надѣюсь не очень наскучили рассказы о моихъ приключеніяхъ. Отъ Мадеры до Лиссабона мы шли четыре дня; *Венуэла* тащилась такъ медленно, что мы овоздали на пакеботъ, который долженъ былъ отвезти насъ въ Бордо. Поэтому мы отправились сухимъ путемъ, и, послѣ разныхъ приключеній, о которыхъ не стоитъ упоминать, прибыли въ Парижъ 20 іюля; «этотъ день,—я повторю слова г. Габріака въ его прекрасномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ *Прогулка по Южной Америкѣ*: былъ лучшимъ днемъ нашего путешествія».

ЭПИЛОГЪ.

Когда *Альсертъ* и *Дисковери* снялись съ якоря и уходили изъ Портсмута, увозя съ собою англійскую полярную экспедицію, четверста человѣкъ горячими восклицаніями сопровождали отъѣздъ смѣлыхъ изслѣдователей; королева прислала по телеграфу свое дружеское прощаніе и весь гарнизонъ города выстроился въ боевомъ порядкѣ, отдавая честь путешественникамъ.

Нѣсколько времени спустя въ Бордо была снаряжена экспедиція для продолженія нашихъ изслѣдованій въ экваторіальной Африкѣ и для проникновенія, по Огуэ, въ центръ Африки; начальниками экспедиціи назначены: одинъ мичманъ съ помощникомъ Альфредомъ Маршемъ, моимъ другомъ, хорошо извѣстнымъ читателю, г. Балэ, флотскій врачъ, и одинъ квартирмейстеръ съ *Венеры*.

Они отправились скромно, безъ шума, почти незамѣченные; они пожали лишь нѣсколько дружескихъ рукъ на прощанье, да нѣкоторые спеціальные журналы объявили объ ихъ отъѣздѣ.

А между тѣмъ этимъ людямъ угрожаютъ опасности болѣе значительныя, чѣмъ англійскимъ изслѣдователямъ, и ихъ экспедиція представляетъ не меньшій научный интересъ, чѣмъ полярная.

Еще недавно знаменитый путешественникъ, дружбою котораго я горжусь, именно докторъ Швейнфюртъ, доказалъ мнѣ, что изъ ста человѣкъ, посвятившихъ себя великому дѣлу изслѣдованія Африки, пятьдесятъ умерли на мѣстѣ изслѣдованій, одни—жертвою климата, другіе—отъ руки туземцевъ, иногда подъ страшными пытками, какъ напр. бѣдный Мезанъ, мичманъ, который былъ заживо разсѣченъ

на части. Изъ возвратившихся въ отечество по крайней мѣрѣ четыре пятыхъ страдали тяжелыми болѣзнями, навсегда разстроившими ихъ здоровье. Читатели, которымъ эти показанія покажутся преувеличенными, могутъ обратиться къ *Африканской некрологіи*, прекрасному сочиненію, напечатанному извѣстнымъ путешественникомъ, г. Г. Дюверіэ, въ бюллетенѣ Географическаго Общества. Въ его картѣ Африки недостаетъ мѣста для надписанія могилъ всѣхъ мучениковъ науки, которые, по удачному выраженію г. Дюверіэ, *своими трупами отмѣтили путь*, проложенный ими въ Африку.

Какая битва, какая война можетъ представить пропорцію смертности пятидесяти человѣкъ на сто?

Въ экспедиціи, предпринимаемой въ настоящую минуту г.г. Брацца и его спутниками, избраны для изслѣдованія страны самыя опасныя. Я говорю и повторяю въ этихъ двухъ томахъ, не опасаясь никакихъ опроверженій, что нѣтъ на землѣ климата убійственнѣе экваторіальной Африки: мой бѣдный другъ Маршъ едва въ состояніи былъ оправиться послѣ всѣхъ болѣзней, перенесенныхъ имъ во время нашего путешествія. Кромѣ климата, по всей вѣроятности, путешественникамъ придется пробивать себѣ дорогу среди людоедовъ озіеба, которые будутъ еще самонадѣяннѣе послѣ побѣды надъ нами; наши четыре соотечественника и ихъ двадцать сенегальскихъ стрѣлковъ должны вооружиться всею своею отвагою, чтобы восторжествовать надъ дикарями среди пороговъ Огоуэ.

Такова опасность предпріятія; что же касается значенія какъ научнаго, такъ и національнаго этой экспедиціи, то я полагаю, что это значеніе уже вполне доказано мною. Оно должно быть, во всякомъ случаѣ, не маловажно, если морское министерство не задумалось воспользоваться самоотверженностью г.г. Брацца, Марша и ихъ двухъ спутниковъ, поручить имъ отрядъ стрѣлковъ и принять на свой счетъ всѣ путевыя издержки. Тѣ изъ читателей, которые до сихъ поръ слѣдили за нашимъ рассказомъ, вѣроятно, не откажутся прочесть нѣкоторыя подробности объ этомъ новомъ предпріятіи, которое продолжитъ начатый нами трудъ; пользуясь опытомъ, такъ дорого пріобрѣтенною нами, руководимая людьми отважными и располагающими средствами, которыхъ мы далеко не имѣли, эта экспедиція,

безъ сомнѣнія, дастъ результаты, которыми Франція, по справедливости, можетъ гордиться.

Начальникъ экспедиціи, г. Саворнянъ Брацца, по рожденію принадлежитъ къ одной изъ древнихъ римскихъ фамилій; вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, которыя было-бы слишкомъ долго перечислять здѣсь, онъ поступилъ въ морскую школу и опредѣлился въ нашъ флотъ. По выходѣ изъ школы, онъ составилъ проектъ изслѣдовать еще неизвѣстныя области Африки; въ концѣ 1873 г. онъ прибылъ въ Габонъ въ чинѣ гардемарина перваго класса на *Венеръ*, находившейся подъ командою адмирала Килію; онъ сразу понялъ все значеніе Огоуэ и всѣ выгоды, представляемыя этой рѣкою изслѣдователямъ для проникновенія внутрь экваторіальной Африки. Въ это время Маршъ и я выѣзжали изъ Аданлинанланго въ страну Оканда; г. Брацца сначала просилъ позволенія присоединиться къ намъ, но, видя, что было уже поздно, рѣшился отправиться вслѣдъ за нами. Лишь только мы возвратились, Брацца, повидавшись съ нами, заявилъ морскому министерству желаніе быть офиціальнымъ образомъ посланнымъ на Огоуэ. Было-бы очень долго описывать всѣ препятствія, которыя представились ему при организаціи экспедиціи.

Въ февралѣ мѣсяцѣ я самъ, понадѣявшись на свои силы, началъ готовить, въ компаніи съ Маршемъ, поѣздку, которая должна была идти параллельно съ экспедиціею Брацца; выѣхавъ съ южной оконечности озера З'Онангэ, мы предполагали сухимъ путемъ углубиться къ юго-востоку и достигнуть Конго, выше его сліянія съ Заирой, т. е. выше областей, обитаемыхъ сунди и другими племенами, враждебными бѣлымъ. Въ началѣ апрѣля у меня повторилась сильная припадки болѣзни печени; доктора формально запретили мнѣ предпринимать новое путешествіе въ экваторіальную Африку, и само Географическое Общество отказалось содѣйствовать мнѣ при такихъ условіяхъ. И такъ я принужденъ былъ, въ данную минуту, отказаться отъ моего проекта; г. Брацца воспользовался этимъ обстоятельствомъ и пригласилъ Марша, который и былъ офиціально прикомандированъ къ экспедиціи въ качествѣ натуралиста, съ жалованіемъ въ шесть тысячъ франковъ. Нечего и говорить, что энергія Марша, его знакомство съ мпонгвейскимъ языкомъ и частью страны,

которую предстояло изслѣдовать, дѣлають его участіе чрезвычайно полезнымъ.

Его превосходительство, морской министръ, употреблявшій всѣ мѣры для облегченія исполненія предпріятія Брацца, предоставилъ въ его распоряженіе двадцать сенегальскихъ стрѣлковъ; они всѣ мусульмане, подъ начальствомъ одного изъ ихъ лучшихъ унтеръ-офицеровъ, и получаютъ отъ правительства хорошее походное жалованье. Кромѣ того, г. министръ распорядился, чтобы въ Габонѣ немедленно приступили къ постройкѣ большихъ пирогъ, назначавшихся для перевозки г. Брацца, его товарищей, солдатъ и всей поклажи. По предписанію, каждая такая экспедиція должна сопровождаться флотскимъ хирургомъ; г. Брацца получилъ множество заявленій; онъ выбралъ одного молодаго человѣка, г. Баллэ, который соединялъ въ себѣ всѣ необходимыя качества: энергію, образованіе терпѣніе и здоровье. Затѣмъ г. Брацца просилъ министерство, и получилъ разрѣшеніе, взять съ собою квартирмейстера, котораго онъ зналъ на *Венерѣ*, и имѣлъ случай испытать его преданность и опытность. Наконецъ я съ удовольствіемъ сообщу читателямъ, что вѣрный Шико уже три мѣсяца состоитъ на службѣ на *Кордельерѣ* на казенномъ содержаніи, и ожидаетъ случая предпринять второе путешествіе въ страну Оканда. Въ концѣ апрѣля г. Брацца принялъ французское подданство и получилъ чинъ мичмана.

Познакомивъ читателей съ участниками экспедиціи, мы скажемъ нѣсколько словъ о запасахъ. Гг. Брацца, Маршъ и Баллэ, а также и сопровождающій ихъ квартирмейстеръ вооружены скорострѣльными винтовками Винчестера, дѣлающими четырнадцать выстрѣловъ сряду послѣ перваго заряда; въ этомъ заключается чудо для черныхъ, поражающее ихъ суевѣрнымъ страхомъ. Изумляясь быстротѣ выстрѣловъ и дальности полета пули шасспо, они всетаки понемногу уясняютъ себѣ механизмъ ружья; по крайней мѣрѣ они видятъ, какъ кладутся патроны и пули. Между тѣмъ какъ винчестеръ въ рукахъ опытнаго человѣка, который не будетъ класть всѣхъ четырнадцати патроновъ на глазахъ черныхъ и сдѣлаетъ видъ, что можетъ стрѣлять безконечно,—винчестеръ становится ружьемъ фетишъ, одинъ видъ котораго приводитъ ихъ въ трепеть. Всѣ сенегальскіе стрѣлки вооружены шасспо; я уже упоминалъ, что почти всѣ

наши патроны шасспо испортились отъ влажности и, во время послѣдней части нашего путешествія, ружья шасспо не имѣли для насъ уже никакого значенія. Для устраненія этого неудобства, Брацца везетъ съ собою только металлическіе патроны; эти патроны заключены, пачками въ двѣсти штукъ, въ желѣзные запаянные ящики, которые могли лежать въ водѣ безъ вреда для патроновъ. Охотничій порохъ также помѣщенъ въ запаянные ящики.

Вопросъ объ инструментахъ для астрономическихъ наблюдений весьма важенъ; съ нами случилось, что хронометръ, предложенный намъ г. Валькеромъ, еще до отъѣзда нашего изъ Адаплинанланго, оказался непригоднымъ; а вслѣдствіе перпендикулярнаго паденія солнечныхъ лучей большую часть года, необходимо пришлось для опредѣленія широтъ наблюдать меридіональныя высоты, что было весьма затруднительно и тяжело при такомъ солнцѣ и при такихъ условіяхъ. Съ другой стороны, нашъ искусственный горизонтъ, состоявшій изъ ящика, наполненнаго масломъ, съ стѣнками, не отражающими свѣта, представлялъ весьма важныя неудобства; а ртутный искусственный горизонтъ, вслѣдствіе его крайней подвижности, невыносимъ въ странѣ, гдѣ нельзя производить наблюдений иначе какъ въ толпѣ негровъ. Г. Брацца исправилъ это неудобство, разливая на мѣдной пластинкѣ нѣсколько капель ртути; ртуть, соединяясь съ мѣдью, пріобрѣтаетъ неподвижность, вовсе не теряя своей отражательной способности. Кромѣ того, онъ запасся превосходнымъ карманнымъ секстантомъ и нѣсколькими хронометрами, которые, конечно, не такъ скоро испортятся, какъ одинъ. На случай, если хронометры окажутся негодными, взята сильная астрономическая труба, посредствомъ которой можно измѣрять лунныя разстоянія и захожденія звѣздъ. Кромѣ того, г. Брацца имѣетъ полную коллѣцію барометровъ, буссолей, термометровъ и проч.

Министерство выдало топоры, пилы, молотки, однимъ словомъ, — всѣ необходимые столярныя инструменты, съ тѣмъ чтобы стрѣлки, въ случаѣ надобности, могли построить хижину, плоть и даже пирогу. Не были забыты и удочки, сѣти, гарпуны и разнаго рода рыболовные снаряды; нѣкоторые изъ этихъ снарядовъ хотя и примѣнимы въ нашей странѣ, но запрещены, таковы — патроны съ динамитомъ, которые, разрываясь подъ водою, убиваютъ всю рыбу на пятнадцать или двад-

дать метровъ въ окружности. Наконецъ были взяты ленты магнія и разные другіе предметы, принадлежащіе къ такъ называемой *увеселительной физикѣ*, которыми предназначалось производить сильное впечатлѣніе на суевѣрные умы черныхъ.

Я не буду перечислять всѣхъ товаровъ, взятыхъ изслѣдователями, а ограничусь замѣчаніемъ, что съ ними была полная коллекція товаровъ, перечисленныхъ мною въ главѣ о промышленности экваторіальной Африки; кромѣ большаго числа километровъ матерій, конечно былъ взятъ большой боченокъ соли, оказавшій намъ столь важныя услуги въ странѣ Оканда. Одинъ купецъ пожертвовалъ около ста килограммовъ *шлифованныхъ бусъ*, наиболѣе цѣнныхъ черными. На этотъ разъ, по совѣту Марша и моему, взяли весьма ограниченное число пожарныхъ касокъ, вышитыхъ мундировъ, сенаторскихъ шпагъ, жилетовъ шитыхъ серебромъ, драгоценныхъ камней, картонныхъ боронъ и разной другой театральной ветоши. Нельзя сказать, чтобы эти вещи не имѣли сбыта у черныхъ, — напротивъ; но съ одной стороны онѣ занимаютъ много мѣста, а съ другой — не избавляютъ отъ подарковъ, специально назначенныхъ королямъ за право прохода. Эти подарки состоятъ въ ружьяхъ, порохѣ, бусахъ, рубашкахъ, мѣди, чугунныхъ котлахъ и проч. Если дать королю самый блестящій мундиръ и удержать хотя одинъ изъ означенныхъ предметовъ, онъ протестуетъ. «Это очень хорошо, говоритъ онъ, но гдѣ рубашка? гдѣ котелъ? и т. д.» Къ сожалѣнію, сенегальскіе стрѣлки очень разборчивы въ пищѣ, и потому придется везти значительный грузъ риса, такъ какъ они не любятъ банановъ.

Читателю уже извѣстно, какія были у меня и Марша неудачи съ взятыми нами готовыми фотографическими пластинками (система Штреббинга). Брацца и Маршъ рѣшили сдѣлать новую попытку: они хотятъ примѣнить *сценографъ*, новый аппаратъ для съемки, придуманный докторомъ Кандецемъ, имѣющій весьма незначительный объемъ (съ пластинками вѣситъ не болѣе четырехъ фунтовъ) и также съ готовыми пластинками.

Всѣ запасы для экспедиціи уложены въ сто пятьдесятъ ящиковъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ по два ящика вѣсомъ въ двадцать килограммовъ; такіе ящики легко переносятся на головахъ носильщиковъ или скорѣе носильщицъ, потому что, какъ мы уже не разъ

упоминали, переноскою тяжестей занимаются преимущественно женщины; каждый изъ маленькихъ ящичковъ содержитъ полную коллекцію предметовъ, вмѣющихъ цѣнность на Огоузъ, какъ-то: порохъ, желѣзо, мѣдь, бусы, ножи, зеркала, матеріи и проч.

Затрудненіе найти лодки для перевозки этого большого количества товаровъ будетъ еще ощутительнѣе потому, что проѣхать пороги Огоузъ, т. е. пространство около ста десяти миль, возможно лишь на особыхъ пирогахъ, построенныхъ въ самой странѣ. Къ сожалѣнію, изъ недавно полученныхъ извѣстій мы узнали, что коммандантъ Габона, не смотря на всѣ его старанія найти черныхъ для постройки семи или восьми большихъ пироговъ для экспедиціи г.г. Брацца и Марша, могъ заставить только двухъ черныхъ приняться за работу. Туземцы до такой степени лѣнны, что, не смотря на чрезмѣрно высокія цѣны за пироги, они, по всей вѣроятности, ничего не приготовятъ къ пріѣзду изслѣдователей, и въ такомъ случаѣ г. Брацца для перевозки своего груза принужденъ будетъ употребить пироги галлуасовъ и иненга, которыми пользовались и мы. При послѣднемъ условіи придется переѣзжать отъ Адалинанланго до страны Оканда по крайней мѣрѣ въ три пріема.

Путь, которому должна слѣдовать французская экспедиція, слѣдующій. Въ Сенегалѣ путешественники найдутъ своихъ стрѣлковъ, вооруженныхъ и готовыхъ къ отъѣзду; отсюда они всѣ вмѣстѣ отправятся на одномъ изъ судовъ, совершающихъ рейсы между Дакаромъ и Габонемъ. По пріѣздѣ въ Либревиль, г. Брацца на глазахъ сенегальцевъ положитъ въ кассу коммандантства четыре тысячи франковъ пятифранковыми монетами. Эти четыре тысячи франковъ будутъ распределены между тѣми стрѣлками, которые останутся при экспедиціи до конца, каково-бы ни было ихъ число. Примавка, представляемая такимъ щедрымъ вознагражденіемъ, послужитъ хорошимъ средствомъ для поддержанія преданности и энергіи въ стрѣлкахъ. По прибытіи французской экспедиціи въ Либревиль, *Марabu*, уже извѣстный читателямъ, отвезетъ путешественниковъ вверхъ по рѣкѣ, насколько можетъ идти пароходъ, т. е. до Адалинанланго, страны покойнаго короля - Солнце. Г. Брацца и его спутники будутъ такимъ образомъ избавлены отъ необходимости останавливаться въ этой области гнилыхъ болотъ, которыя были столь невыносимы для насъ.

Въ Адалинанланго гг. Брацца и Маршъ пересядутъ въ пироги короля Реноке, чтобы отправиться, по возможности скорѣе, въ страну Оканда. По прибытіи въ Лопецъ они отправятъ Н' Дунду или другого какого-нибудь предводителя съ людьми и пирогами за г. Балла, оставленнымъ въ Адалинанланго стеречь вещи, которыя нельзя будетъ захватить. Оканда будетъ главной квартирою путешественниковъ; они рассчитываютъ пробыть тамъ шесть мѣсяцевъ и даже посѣять овощи, которыя поспѣютъ къ началу слѣдующаго сезона; овощи представляютъ драгоценность въ этой странѣ. Г.г. Брацца и Маршъ воспользуются своимъ пребываніемъ въ странѣ Оканда, чтобы завести, если это возможно, дружескія сношенія съ озіеба. Имъ заплатятъ, если они пожелаютъ, за убитыхъ нами людей во время атаки на насъ; имъ будутъ сдѣланы подарки, будетъ показано сенегальцами дѣйствіе ружей шасспо, однимъ словомъ—будетъ сдѣлано всевозможное для избѣжанія кровопролитія. Впрочемъ, если представится необходимость, г. Брацца и его спутники не уклонятся отъ битвы. Когда наступитъ время ихъ окончательнаго отъѣзда, они двинутся въ путь съ полтораста или двумя стами союзныхъ оканда; если они, какъ можно надѣяться, пройдутъ черезъ Ивиндо, гдѣ насъ постигла бѣда, то будутъ въ странѣ Мадума и Озіеба; отъ этихъ народовъ, дружественныхъ бѣлымъ, путь кажется возможнымъ, если не легкимъ, до озера Викторія-Ньянца, далекой цѣли французской экспедиціи.

Богъ знаетъ, что готовитъ будущее нашимъ отважнымъ соотечественникамъ, но, во всякомъ случаѣ, надо имъ отдать справедливость, что въ продолженіи десяти мѣсяцевъ они работали съ замѣчательнымъ усердіемъ и сдѣлали всевозможное для обезпеченія успѣха ихъ предпріятія.

Я, съ своей стороны, до-того увѣренъ въ успѣхѣ этой экспедиціи, въ томъ, что будущее готовитъ ей великія и славныя открытія, что мѣсяць тому назадъ просилъ Брацца принять меня въ качествѣ простаго волонтера. Брацца отказалъ мнѣ, потому что, не смотря на мои слова, не вѣритъ, чтобы состояніе моего здоровья позволило мнѣ вынести эту новую экспедицію. Объясняя въ географическомъ собраніи причины этого отказа, онъ добавилъ, что рассчитывалъ на меня какъ на человѣка, который можетъ пріѣхать за нимъ какъ освободитель, если онъ попадетъ въ плѣнъ внутри страны, подобно мно-

гимъ другимъ путешественникамъ,—какъ на человѣка, который во всякомъ случаѣ можетъ продолжить его изслѣдованія съ того мѣста, гдѣ они прекратятся, какъ и самъ онъ въ настоящую минуту намѣренъ продолжить наши и передвинуть дальше путевой значекъ изслѣдователя, который самъ онъ хочетъ отнести впередъ въ настоящее время. Я надѣюсь, когда настанетъ время, не оплошать въ исполненіи задачи, которую онъ предназначталъ для меня и которую я весьма охотно принимаю.

686

КОНЕЦЪ.

